

Прогноз гадостей на завтра

Автор:

Дарья Донцова

Прогноз гадостей на завтра

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #8

Ну что за невезуха! Я, Евлампия Романова, вылетела в непотребном виде в магазин за дюбелями и – бац! – встретила свою старую любовь Эдика. Мы вместе учились в консерватории, у нас даже был роман. Я приняла его приглашение поболтать, и мы поехали в «Макдоналдс». Где был в это время мой ангел-хранитель?! Заснул или тоже решил перекусить? Почему не налетел смерч, не вспыхнул пожар, или, на худой конец, не забарахлил мотор машины?! Нет, иномарка лихо несла меня навстречу беде. Ведь в "Макдоналдсе Эдика Малевича убили. Но оказалось, это только цветочки, впереди меня ждал урожай ядовитых ягод...

Дарья ДОНЦОВА

ПРОГНОЗ ГАДОСТЕЙ НА ЗАВТРА

ГЛАВА 1

Кто бы мне объяснил: отчего если вечером хорошо, то утром жутко плохо? И почему именно после бессонной ночи, ненакрашенная, с красными, как у ангорского кролика, глазами, с торчащими в разные стороны лохмами, вы обязательно налетаете на бывшего любовника, который, как назло, облачен в

роскошную одежду, умопомрачительно пахнет дорогим парфюмом, вертит на пальце ключи от «Мерседеса» и снисходительно роняет сквозь отлично сделанные зубы:

– Ну ты и постарела, душа моя, опустилась, что же не следишь за собой?

И вам остается только, кипя от злобы, наблюдать, как он влезает в свой вызывающе шикарный кабриолет, где в глубине салона сидит дама в норковой шубе. Лишь спустя пару минут вы чувствуете горькое сожаление. Ну почему эта встреча не произошла вчера, когда вы, одетая в енотовое мантио, с тщательно сделанной укладкой и макияжем, спешили на вечеринку? Отчего встреча с парнем произошла именно сегодня, когда, мучаясь от головной боли, вы побежали в аптеку, натянув на себя старую куртку? Судьба, знаете ли, большая шутница, ей нравится так поступать с людьми...

Сегодняшний день начался ужасно. Воспользовавшись тем, что дети, Кирюшка и Лизавета, сидят в школе, а мне не надо идти на работу, я решила с толком использовать свободное время и включила стиральную машину.

Слава богу, технический прогресс зашел далеко. Теперь бедным женщинам нет никакой нужды тереть необъятные простыни и пододеяльники куском отвратительно вонючего хозяйственного мыла, а потом возить мокрым бельем по ребристой доске, сдирая пальцы в кровь. Нет, наступили иные времена.

Затолкав в барабан кучу шмоток, я нажала на кнопку, услышала, как в «Канди» с шумом рванулась вода, и с чувством выполненного долга села перед телевизором вкушать ароматный чай. В окно стучал ледяной ноябрь. В этом году последний месяц осени выдался непривычно морозным, на календаре второе число, а на градуснике – минус десять. Но дома на кухне тепло и уютно, вкусно пахнет свежеприготовленными тостами. Все наши животные – а их у нас целая стая: четыре собаки и три кошки – разбрелись по квартире кто куда. Три пса гладкошерстные, мопсы Муля и Ада и стаффордширская терьерка Рейчел, поэтому в прохладную погоду они предпочитают зарываться в пледы, четвертый – двортерьер Рамик, обладатель роскошной бело-черной шерсти, спит, как правило, на кухне под столом. Рамик большой любитель вкусной еды и на всякий случай держится поближе к своей миске, вдруг туда что-нибудь положат. Между прочим, подобная тактика приносит плоды. Во время готовки на пол частенько падают разнообразные вкусности вроде кусочка морковки или обрезка мяса, а еще на столе всегда стоят печенье или карамельки, и, когда хозяйка убегает,

забыв спрятать вазочку... Впрочем, до откровенного мародерства Рамик все же не опускается, вот толстозадая Мулечка даже и сомневаться не станет при виде тарелочки с кексом, опрометчиво оставленной на кухонном столе. Сопя от напряжения, мопсика забирается сначала на стул, потом на стол – и, о радость, вот он, кексик. Наевшись, она спит потом богатырским сном, не реагируя ни на какие внешние раздражители. Зато ее родная сестра Ада очень интеллигентна. Та ни за что не притронется к бутерброду с колбасой, который Кирюшка положил на журнальный столик у телевизора. Адюша будет смотреть на вожделенное лакомство печальными глазами и томно вздыхать, но ей даже в голову не придет стащить розовый кусочек «Докторской». Зато Адка все время лает и носится по коридорам, предлагая поиграть с ней. Покоя от нее нет ни днем ни ночью. К сожалению, в соседней с нами квартире живет дама, любящая крепко выпить, и, если у нее собираются гости, Впрочем, они приходят к ней почти каждый вечер, Адюшка принимается безостановочно тявкать.

Вот и сейчас она сидела на пороге кухни и периодически издавала короткое «гав».

– Замолчи, – сурово велела я.

Но мопсика продолжала нервничать. Стараясь не обращать на нее внимания, я уставилась в телевизор. Так, свободный день следует провести с пользой. Сначала сбегая в магазин, потом приготавливаю на три дня обед, Кирюшка давно просит шарлотку, потом уберу квартиру, а то по всем углам мотаются серые комки пыли...

Ада теперь лаяла беспрестанно, она смотрела в коридор и издавала равномерно: «Тяв, тяв, тяв...»

– Прекрати сейчас же, – обозлилась я, – ну что там еще?

В эту секунду раздался вой. Я кинулась к выходу. Наша стаффордширчиха Рейчел издает подобный звук только в случае крайней опасности.

Вылетев в коридор, я попала обеими ногами в воду и заорала от ужаса. Повсюду лились потоки мыльной пены. Ада вновь залаяла и посмотрела на меня, всем своим видом говоря: «Я же сообщала о происшедшем, а ты ругалась и велела мне заткнуться!»

Чертыхаясь и поскальзываясь, я добралась до ванной и обнаружила причину несчастья: шланг от стиральной машины, через который должна выливаться в раковину грязная вода, мирным образом висел на крючочке, вбитом в стену, я забыла его опустить в умывальник.

Пришлось, сидя на корточках, вычерпывать «океан» пластмассовой миской, слушая неумолчный вой собак. Через час я, грязная, встрепанная, вошла на кухню и, решив себя вознаградить, сунула в тостер кусочек хлеба, нажала на клавишу...

Вмиг из глубин безотказно работавшего еще сегодня утром агрегата вырвался столб пламени. Ада взвыла и нырнула под стол. Я завопила от ужаса, выдернула шнур из розетки и швырнула произведение «Бош» на лоджию, где оно благополучно догорело... Слава богу, пострадал только подоконник, на нем остался черный след.

Смыв жирную копоть, я выбросила тряпку, глянула на себя в зеркало и подавила вздох. Ладно, сейчас умоемся и двинем на рынок. Но не успели ноги шагнуть к порогу, как раздался дикий грохот, жуткий вопль Рамика и Ады, звон, треск и вой Рейчел.

Один из кухонных шкафчиков по непонятной причине рухнул на пол... Кухня у нас большая, она сделана из двух комнат, секций для хранения чего бы то ни было в ней полным-полно, в принципе могла сорваться любая из них, набитая, к примеру, бакалеей или консервами... Но сверзилась именно та полка, где стояла посуда: чашки, фужеры, рюмки... Весь пол оказался усеян мелкими-мелкими осколками, а хрусталь просто превратился в стеклянную пыль!

Выудив из эпицентра беды верещающую от ужаса Адку, я выкинула ее в коридор, потом отряхнула Рамика, выгнала его следом за мопсикой и принялась убирать крошево. Выходной день начал походить на кошмар.

Через два часа я, переведя дух, принесла дрель и обнаружила отсутствие дюбелей. Пришлось прямо на спортивный костюм натягивать куртку и идти в скобяной магазин. По счастью, он расположен в двух шагах от нашего дома, на проспекте, у метро. Вообще говоря, страшно хотелось выпить кофе, но в свете всех происшедших событий я не рискнула включать электрочайник.

Натянув на голову капюшон, а на ноги старые Кирюшкины сапоги, я понеслась по улице. Надо навести порядок до возвращения детей, представляю, как они начнут потешаться надо мной, узнав о последних событиях. И Кирюшка, и Лизавета находятся в том подростковом возрасте, который специалисты называют загадочно-красивым словом «пубертат». Но суть процессов в их организмах остается, как ее ни обзови, простой – оба превратились в отвратительных, вечно спорящих и всем недовольных субъектов. Они то ругаются, то плачут, постоянно выясняя отношения между собой, со мной и всем окружающим миром.

Кирюшка вчера заорал «Козел!» в адрес мужчины весьма интеллигентного вида, который случайно толкнул его в магазине. Поправив очки, мужик миролюбиво сказал:

– Ой, простите!

– Козел, – завизжал Кирюшка, – идиот, ты мне все ноги оттоптал!

Виновник инцидента молча окинул взглядом меня, красного от возмущения мальчика и, ничего не сказав, ушел. Зато продавщица, швыряя на прилавок пакет кефира, ехидно осведомилась:

– Давно сыночку прививку от бешенства делали?

Я вытолкала Кирюшку на улицу и возмутилась:

– Как тебе не стыдно!

– Ну и что, – парировал он, – самый настоящий козел и есть, пусть другой раз смотрит, куда ноги ставит.

– Ужасно, – бормотала я, – просто позор, ну как можно... что он о нас подумает!

Кирка посмотрел на меня свысока и хмыкнул:

– Прекрати, Лампа, мы никогда его больше не увидим! Не наплевать ли нам на его мнение?

Я не нашлась, что возразить. Вечером в мою комнату ворвалась Лизавета. С треском распахнула шкаф, вытрясла оттуда брюки, попыталась их натянуть на свою весьма объемистую попку и зарыдала в голос:

– Прикинь, Лампа, я стала толще тебя! Катастрофа!

Я вспомнила, как, придя из школы, Лизавета, взяв с собой коробочку шоколадных конфет, устроилась у телика и, недолго мучаясь, слопала все. Лиза продолжала плакать:

– Отвратительно! Я самая толстая, уродливая во всем классе! Вон Машка Гаврюшкина тощая-претощая...

– Может, тебе нужно есть поменьше сладкого, – робко сказала я, – мучного и жирного?.. Хочешь, куплю абонемент в спортклуб: шейпинг, аэробика, плавание. Живо десять кило потеряешь!

Лизавета вспыхнула огнем, потом швырнула мою одежду прямо на пол и прошипела:

– Спасибо, ты всегда знаешь, как утешить: да уж, если и ждать от кого сочувствия, так только не от тебя...

– Но что я плохого сказала? Диета и занятия физкультурой творят чудеса!

– Ничего, – злобилась Лиза, – ничего! Честно говоря, я ждала, ты скажешь что-нибудь типа: дорогая Лизонька, у тебя изумительная фигура! Вот спасибо так спасибо! Десять кило потеряешь! Значит, они у меня лишние?! Кстати, ты сама лопаешь конфеты, а других осуждаешь...

– Но я вешу сорок восемь килограммов и...

– Ничего слышать не хочу, – взвизгнула Лиза и выскочила в коридор, от души треснув дверью о косяк.

В скобяной лавке, слава богу, нашлись нужные дюбели и шурупы. Сунув в карман пакетик, я вышла на улицу, поежилась от пронизывающего ветра и услышала:

– Фрося!

Я машинально повернулась на зов, ноги притормозили. Так, значит, это знакомый из той прошлой жизни...

Моя биография четко делится на две части: до встречи с Катей Романовой и после. «До» была тихая жизнь под крылышком у мамы, оперной певицы, и папы, доктора наук, учеба в консерватории по классу арфы, неудачная артистическая карьера, замужество, завершившееся моим побегом из дома и в конце концов разводом... И звали меня в той жизни Ефросинья[1 - См. роман Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника»]. Но потом судьба меня столкнула с Катюшкой и ее семьей. Дальнейшая жизнь потекла по-другому. Теперь я считаю своей родней Катю, двух ее сыновей, Сережу и Кирюшку, жену Сережки Юлечку и кучу домашних животных. Катюша хирург, Сережка работает в рекламном агентстве, а Юля журналист. Лизавета появилась у нас в результате моей попытки очередной раз заработать деньги. Сами понимаете, профессия арфистки не самая нужная в нынешние времена, правда, Катюша отлично зарабатывает, она виртуозно оперирует щитовидную железу, и больные выстраиваются к ней в очередь. Оклад у подруги, несмотря на ученую степень, крошечный, но многие из больных вручают ей конвертики. К слову сказать, Катя никогда не делает различия между платными и «нищими» пациентами и готова сидеть со всеми ровно столько, сколько надо. Она вообще у нас ненормальная: уходит из дома в восемь утра, приходит в девять вечера.

Так вот Катя все время говорит:

– Хватит комплексовать! Веди домашнее хозяйство, я заработаю!

Но мне весьма некомфортно жить нахлебницей, поэтому я постоянно пытаюсь устроиться на работу. Одной из таких попыток было попробовать себя на ниве домашнего хозяйства. Я нанялась экономкой в семью модного писателя Кондрата Разумова. Но, очевидно, господь предназначил меня для других занятий. В домработницах я прослужила ровно две недели, а потом Кондрата убили. Его дочь Лиза осталась на белом свете одна-одинешенька, и мы с

Катериной забрали ее к себе[2 - См. роман Дарьи Донцовой «Гадюка в сиропе».]

Да, еще одно. Поселившись у Кати, я приобрела семью. Кстати, мы по случайности оказались однофамилицами, и те, кто не знает истории наших взаимоотношений, искренне считают нас сестрами. Уж очень я не любила имя Ефросинья, оно напоминало о бесцельно прожитых годах, так что теперь в моем паспорте написано – Евлампия Романова. Но все знакомые и близкие зовут меня коротко: Лампа.

– Фрося, ты, что ли? – повторил бархатистый баритон.

Я глянула на говорившего и поперхнулась. Прямо на меня, выглядывая из окна роскошной машины, смотрел Эдуард Малевич, как всегда, безукоризненно одетый и причесанный. Окинув взглядом его роскошное пальто из мягкой фланели и великолепный костюм, видневшийся между расстегнутыми полами, я подавила тяжелый вздох. Ну почему эта встреча произошла именно сейчас, когда я, всклокоченная, ненакрашенная, с облупившимся после вычерпывания «океана» лаком на ногтях, побежала на улицу в затрапезной китайской куртке? Между прочим, в шкафу висит хорошенькая шубка из белки, подарок Сережки на мой день рождения... И уж совсем обидно, что налетела в таком виде не на кого-нибудь, а на Эдика.

Мы учились вместе в консерватории, только Малевич осваивал скрипку. Ему пророчили блестящее будущее. Уже на третьем курсе Эдик отхватил премию на каком-то конкурсе, по-моему, в Варне, и педагоги в один голос пели: «Малевич – наша надежда». Эдичка всегда был хорош собой. Для меня оставалось тайной, каким образом он ухитряется великолепно одеваться, посещать модную парикмахерскую и курить самые дорогие по тем временам сигареты «БТ». Малевич был не москвич, жил, как все иногородние студенты, на стипендию...

На четвертом курсе у нас разгорелся роман. Я слыла очень инфантильной девочкой, воспитанной на редкость авторитарной мамой, да и времена были иные, чем сейчас. Поэтому мы несколько недель, сбегая с занятий, просто бродили по весенним улицам, взявшись за руки. Вечером встречаться не могли. Моя мамуся мигом бы потребовала привести кавалера в дом, а чем заканчивались подобные посещения, я очень хорошо знала.

Впрочем, завершилось это все равно плохо. Мама проведала о том, что дочурка прогуливает учебу, и призвала меня к ответу. Услыхав про роман с мальчиком без московской прописки, мамочка, очевидно, пришла в ужас, потому что сразу отправила меня на все лето к дальней родственнице, живущей в Сочи. Необходимость поездки объяснялась просто. В нашей квартире начинался ремонт, а мне, с моей аллергией, лучше провести это время на берегу моря.

Уезжала я с тяжелым сердцем, а когда первого сентября вернулась на учебу, Эдик уже женился, да не на ком-нибудь, а на дочке профессора Арбени, хохотушке Ниночке, кстати, тоже очень талантливой скрипачке. Честно говоря, было не слишком приятно сталкиваться с ним в коридорах и буфете, но я делала вид, что ничего не произошло. После окончания консерватории я никогда не встречала Эдика, одно время видела его фамилию на афишах, потом она исчезла, и я решила, что Малевич, как многие талантливые музыканты, концертирует теперь на Западе. И вот надо же! Налетела на Эдика.

– Фроська, – радовался мужик. – Залезай в машину. Как живешь?

Я села в тачку. Сказать правду? С прежней работы в частном лицее пришлось уйти, уж очень противные попадались родители. А чтобы не чувствовать себя приживалкой, даю уроки музыки в ближайшей школе, получая за это двести рублей в месяц. Не имею детей и мужа.

Я еще раз окинула взглядом роскошное пальто Эдика, вдохнула аромат дорогого парфюма и начала с энтузиазмом врать:

– Все чудесно. Вышла замуж, родила двух мальчиков, концертную деятельность бросила, сам понимаешь, при наличии детей делать карьеру музыканта затруднительно, поэтому просто работаю на радио, в оркестре. Сейчас вот ремонт затеяли...

Я перевела дух и вытащила из кармана дюбели.

– Побежала за шурупами, прямо как была, в жутком виде, а тут ты!

Эдик расхохотался:

– Ремонт! Тогда понятно. Ей-богу, я расстроился, когда тебя увидел, чистая бомжиха...

– Видел бы ты мою квартиру! Все двенадцать комнат в разгроме, а муж, как всегда, умотал в Америку.

– Ты сама обои клеишь?!

– С ума сошел? Бригаду наняла, итальянцев, разве наши хорошо сделают?

– Слышь, Фрось, – предложил Эдик, – поехали, попьем кофейку, потреплемся...

– Но мне домой надо.

– Да брось, позвони, скажи, через час придешь, ну давай, столько лет не виделись!

Я растерянно пробормотала:

– Но я одета не лучшим образом...

– Наплюй, поедem в «Макдоналдс», там никто и внимания не обратит, сядем в углу, поболтаем, ну давай, давай...

И он завел мотор.

Неожиданно я весело сказала:

– Давай! И правда, сто лет не разговаривали.

– Отлично, – обрадовался Эдик, и мы покатили вперед.

Наверное, в этот момент мой ангел-хранитель попросту заснул или решил пойти пообедать, ведь ничто не помешало мне совершить поступок, последствия которого пришлось пожинать потом очень долго. Ну почему не началось землетрясение или пожар? Почему, в конце концов, автомобиль завелся и

покладисто поехал в сторону «Макдоналдса»? Отчего не закапризничал, как моя старенькая «копейка», демонстрируя севший аккумулятор или забрызганные свечи... Да мало ли причин найдется у авто, чтобы не двинуться с места! Но нет, иномарка лихо покатила по проспекту, неся меня навстречу беде.

ГЛАВА 2

В «Макдоналдсе» мы устроились в китайском зале, в самом углу, развернули хрусткие бумажки, вытащили горячие булочки с котлетами и принялись болтать.

– Где ты выступаешь? – поинтересовалась я.

– На кладбище, – преспокойно ответил Эдик, вонзая зубы в мясо.

В первый момент я подумала, что не поняла его, и переспросила:

– Кладбище? Это какой же зал теперь так мило называется?

– Кладбище – это кладбище, – хмыкнул Эдик, – могилки, памятники, венки, безутешные родственники...

Я разинула рот:

– Ты играешь на погосте? Где? У могил? Или в церкви, на органе?

Малевич захохотал:

– Фроська, ты идиотка. В православных соборах нет органа и музыки, там поют а капелла, это ты с католиками путаешь. Но я не играю.

– Что же ты делаешь?

– Я директор кладбища, правда, не слишком большого, притом не московского...

От изумления я чуть не пролила напиток, который «Макдоналдс» выдает за кофе-капучино, и обалдело переспросила:

– Ты?! Начальник над захоронениями? Где?

– В изумительном месте, – улыбнулся Эдик, – пятнадцать минут от столицы, Белогорск. Живу в Москве, а работаю в области. Там шикарная природа...

Я отказывалась верить своим ушам. Эдик Малевич, талантливый скрипач, – и такой пердюмонокль! Пьяные могильщики, бомжи...

Не замечая произведенного впечатления, бывший однокашник бодро расписывал красоты Белогорска, потом начал рассказывать о жене со странным именем Гема.

Минут через пятнадцать, когда мы, опустошив подносы, принялись за мороженое, Эдик внезапно вздохнул:

– Черт возьми!

– Что случилось?

– Да забыл в машине педерастку, а в ней мобильный. – В ту же секунду он протянул мне ключи и попросил: – Будь другом, принеси.

Сказать, что его предложение меня удивило, это не сказать ничего. За кого Малевич меня принимает? Он на своем кладбище растерял все представления о приличном поведении. Отправить даму за сумкой!

Очевидно, на моем лице отразились все эти мысли, потому что Эдик быстренько добавил:

– Извини, дорогая, знаю, это звучит как хамство, но у меня разыгрался дикий радикулит, пошевелиться не могу, а в барсетке еще и лекарства. Будь человеком, принеси.

Я рассмеялась и взяла ключи. Да уж, к сожалению, мы не делаемся моложе с возрастом, вот уже у моих одноклассников начинаются проблемы со здоровьем. Хотя радикулит можно заработать и в юности. Улыбаясь, я вышла на улицу, открыла роскошный автомобиль и тут же увидела на заднем сиденье небольшую сумочку с кожаной петелькой. Сунув ее в объемистый карман куртки, я заперла иномарку и не торопясь вернулась в «Макдоналдс».

Эдик сидел, навалившись на стол. Похоже, беднягу сильно скрутило.

– Передвижная аптека прибыла, – сообщила я и, сев на свое место, взглянула на одноклассника.

От вопля меня удержала лишь мысль о множестве разновозрастных детей, весело болтавших почти за каждым столом. Эдик выглядел ужасно. Огромные, широко раскрытые, какие-то выпученные глаза не мигая смотрели поверх моей головы. Из рта вытекала слюна, а губы были искажены гримасой.

Чувствуя легкое головокружение, я скользнула взглядом по трупу и увидела торчащую из левого бока рукоятку ножа. Собрав всю волю в кулак, я встала и пошла к лестнице, потом обернулась. Так, Эдик сидит спиной к залу, лицом к стене, перед ним стоит поднос, на котором громоздятся остатки чизбургеров, пакетики с недоеденной картошкой и упаковки с пирожками. Место тут укромное, со стороны пейзаж выглядит так, словно кавалер спокойно отдыхает, поджидая даму, пошедшую в туалет.

– Где у вас главный? – схватила я за рукав девчонку в фирменной рубашке «Макдоналдса».

– Главный по чему? – улыбаясь во весь рот, осведомилась служащая.

Потом, увидав мое замешательство, пояснила:

– У нас есть директор по персоналу, директор по еде...

Я тяжело вздохнула. Если бы Эдик отравился, следовало обращаться к тому, кто отвечает за харчи, но Малевича пырнули ножом.

– Начальник службы безопасности на месте?

– А вон он у центрального входа, – показала девица пальцем на высокого темноволосого мужика в безукоризненном костюме.

Я дошла до парня, глянула на табличку, прикрепленную на лацкане его пиджака, и спросила:

– Олег Сергеевич?

Мужик широко улыбнулся:

– Весь внимание, надеюсь, не произошло ничего ужасного?

– Со мной нет.

– Отлично, тогда в чем проблема?

– Моего спутника только что убили.

Олег Сергеевич поперхнулся:

– Надеюсь, вы шутите!

– Нет. Его, похоже, ударили ножом, во всяком случае, из тела торчит рукоятка. Я подошла к вам тихонько, чтобы не пугать посетителей.

– Быстро покажите место происшествия, – велел парень.

Мы дошли до китайского зала. Секьюрити нервным взглядом окинул Эдика и приказал:

– Ждите здесь.

– Между прочим, – обозлилась я, – могли бы сказать спасибо. Станете хамить, заору как ненормальная: спасите, убили. Все клиенты разбегутся.

Олег Сергеевич взял меня за руку и проникновенно сказал:

– Вы и не представляете, как я вам благодарен, но, извините, подождите пару минут.

Я покорно села напротив Малевича и постаралась не смотреть на то, что еще полчаса назад было весело поедавшим гамбургеры человеком.

Внезапно музыка стихла, и послышался женский голос:

– Уважаемые посетители. Ресторан «Макдоналдс» начинает розыгрыш талонов на бесплатный обед. Сегодня счастливыми обладателями купонов стали все посетители китайского зала. Повторяю, все посетители китайского зала получают сейчас талоны на бесплатное посещение «Макдоналдса», просьба всех подойти к кассе номер два. Внимание, предложение действительно всего пять минут, кто не успел, тот опоздал. Торопитесь к кассе номер два, первым троим обратившимся приготовлены чудесные подарки: фирменные футболки от «Макдоналдса».

Зальчик мигом опустел. Весело переговариваясь, люди побежали в центральное отделение, где располагались кассы. Когда последний человек унесся по лестнице, с улицы вошли Олег Сергеевич и двое крепких молодых людей.

– Быстрее, ребята! – велело начальство.

Парни легко подхватили Эдика и вволокли его в небольшую неприметную дверку, сливавшуюся со стеной.

– Идите за мной, – сказал Олег Сергеевич.

Через полчаса приехала милиция.

– Нам надо осмотреть место происшествия, – сухо произнес один из мужиков, одетый в весьма помятые брюки и пуловер.

Высокая худощавая дама в безукоризненно белой блузке, только что угощавшая меня в своем кабинете кофе, не капуччино, как в торговом зале, а настоящим, великолепно сваренным и в меру сладким, заломила руки:

– Господа, умоляю! Тут на небольшом пяточке вокруг нашего ресторана много редакций. Журналисты привыкли здесь обедать, честно говоря, мы раздали многим талоны на скидку, ну сами понимаете, реклама... Небось сейчас в залах есть газетчики... Если узнают... Умоляю!

Парень в жеваных брюках хмыкнул, бросил быстрый взгляд на бейджик, прикрепленный у дамы на блузке, и сказал:

– Ага, журналисты! Ну так что тогда? Напишут о вас теперь везде, реклама! Чем же вы, Елена Сергеевна, так недовольны?

– Издеваетесь, да? – всхлипнула дама. – И не представляете, что со мной начальство сделает, если узнает, что скандал не предотвратила. Между прочим, тут инофирма! Американцы жутко за свой имидж трясутся. Знаете, какой недавно в одном нашем ресторане конфуз вышел?

– Ну? – хихикнул другой мужик. – Клиент котлетой подавился?

Елена Сергеевна покачала головой:

– Нет. Молодая пара с ребенком сидела у входа в подсобные помещения, и надо же было случиться такому! Из подвала, очевидно, выскочила крыса и укусила их девочку за ногу! Жуть! Родители собрались в суд подавать, так, чтобы скандал замять, «Макдоналдс» купил им квартиру!

Мужик в мятых брюках ухмыльнулся.

– У вас во всех ресторанах крысы водятся? Или только в одном? Подскажите адресок, честно говоря, надоело с тещей жить...

– Слышь, Костя, – отозвался другой, – кончай базар, работать пора.

– Работа, Лешка, не Алитет, в горы не уйдет, – отозвался Константин и продолжил: – Вот журналистам талончики на харчи дали. А между прочим, работники шариковой ручки великолепно зарабатывают, им ничего не стоит у вас сто рубликов оставить... А наше отделение здесь за углом, зарплата у сотрудников копеечная, пообедать негде... Что-то никто к нам от вас с талонами не пришел и не сказал: «Мальчики, вы наш покой бережете, милости просим, угощайтесь!» А теперь хотите, чтобы мы все шито-крыто сделали? Нет уж! Место происшествия следует оцепить и...

– Ну ребята, – со слезами на глазах взмолилась Елена Сергеевна, – ну виноваты, не подумали. Прямо сейчас отправлю к вам человека, ну будьте людьми! Кстати, сами идите к кассе номер два, у нас новинка – мак-кантри...

Костя улыбнулся:

– Ладно, не дрожите, аккуратно выполним. Надеюсь, вы догадались сделать так, чтобы за столик никто не сел?

– Там Олег Сергеевич посетителя изображает, – всхлипнула дама.

– Отлично, – сказал Леша, – мы сейчас тоже клиентами станем. Лично я чиккен макнаггетс очень уважаю, девять кусочков с соусом карри, вкусная штука.

– А где труп? – осведомился Костя.

– В зале, – вздрогнула Елена Сергеевна, – в таком небольшом зальчике, где у нас именины празднуют.

– К сожаленью, день рожденья только раз в году... Зря тело переместили, ну да черт с ним, – пропел Костя и приказал: – Ладно, по коням. Я с Лешкой в зал, Мишка, ты со свидетельницей работаешь.

Молчавший до сих пор парень ожил:

– Где тут сесть можно?

– Здесь, за моим столом, – суежилась дама.

– Ладушки, – подвел итог Костя, – начали, а вы, Елена Сергеевна, отведите нашего эксперта в зальчик к трупiku.

Через секунду мы остались с малоразговорчивым парнем вдвоем. Михаил вытащил из портфеля планшет с прикрепленным на нем листом бумаги и, вздохнув, спросил:

– Имя, фамилия, отчество, год рождения и место проживания...

Я покорно принялась отвечать на вопросы. Да, знала покойного много лет. Нет, последние годы не виделась. Да, встреча произошла случайно, в «Макдоналдс» отправились стихийно.

– Он не говорил, почему вдруг бросил карьеру скрипача и занялся кладбищенским бизнесом? – допытывался Михаил. – Объяснил, конечно. Несколько лет тому назад упал на улице и весьма неудачно сломал руку, играть больше не смог, пришлось искать новое место работы. Опыта никакого, кроме музыкального...

– Странно, однако, – бормотал Миша, – мог бы пойти преподавать, а тут – кладбище.

– Знаете, – улыбнулась я, – между прочим, у меня в тумбочке диплом, подтверждающий образование, полученное в консерватории. Ну и что? Перебиваюсь сейчас в обычной школе, даю уроки музыки детям, которым она совершенно не нужна, оклад чуть больше двухсот рублей. За педагогическую деятельность в нашей стране платят копейки.

– Но я понял, что Малевич был известным музыкантом, – протянул Миша.

– В общем, да, но отнюдь не Ойстрахом.

– При чем тут Госстрах? – удивился мент.

Я подавила тяжелый вздох. Ну не рассказывать же парню про великого скрипача Давида Ойстраха!

– Госстрах тут и впрямь ни при чем.

– Значит, в момент убийства вас не было, – уточнил мент. – Где вы были?

Внезапно на меня навалилась усталость. Утро единственного свободного дня рабочей недели выдалось отвратительным. Мне еще надо повесить шкафчик... Если скажу про барсетку, начнется новый виток расспросов...

– В туалете.

– Ага, – ответил Миша, – пожалуй, это все.

С гудящей головой я выпала в зал и побрела к выходу. Вряд ли в ближайшие десять лет мне захочется посетить «Макдоналдс».

– Евлампия, дорогая, – раздался сзади слегка запыхавшийся голос.

Я обернулась и увидела Елену Сергеевну, державшую в руках несколько бело-красных пакетов.

– Нет слов, чтобы выразить вам мою благодарность...

– Ерунда.

– Ну, пожалуйста, милая, имейте в виду, вы всегда самый дорогой гость у нас. Возьмите.

– Что это?

– Так, ерунда, мелкие сувенирчики.

– Спасибо, – сказала я и отправилась домой.

Войдя в прихожую, я сразу споткнулась о Кирюшкины ботинки, как всегда, разбросанные в разные стороны на коврике. Не успела я нагнуться, чтобы поставить их на место, как из кухни выскочил сам Кирка и заорал:

– Не понимаю, что происходит в нашем доме! Тут что, ураган пронесся? Посуда исчезла, шкафчик на полу...

– Он сорвался со стены, – пояснила я.

– А еще кто-то, уходя из дома, не убрал со стола зефир, и Муля сожрала его, – не успокаивался Кирюшка, – полкило удивительно вкусного зефира...

– Прямо с пакетом, – добавила Лизавета, высовываясь из ванной. – Мы получим через пару часов какашки, упакованные в полиэтилен.

– Между прочим, я сам хотел попить чайку с зефирчиком, – ныл Кирюшка.

– Ты где была? – сурово спросила Лизавета.

– Да, – оживился Кирюша, – позволь полюбопытствовать, где ты шлялась?

Я молча повесила куртку.

– И так ясно, – припечатал Кирюшка, – в «Макдоналдс» ездила!

– Как догадался?

– А пакеты?

– Без нас ела биг-мак, – пришла в полное негодование Лизавета. – Мы тут зубами от голода щелкаем, обеда нет, холодильник пустой, а Лампа по ресторанам шляется. Ты о детях подумала?

Интересно получается, однако. Стоит сделать им замечание, даже вполне невинное, типа: убери ботинки в шкаф, – и мигом получишь ответ: я взрослый и сам решу, что делать. А как только в доме съедаются харчи, оба мигом превращаются в детей.

– Что в пакетах? – любопытствовал Кирюшка.

– Не знаю, – машинально ответила я правду.

– Ой, Лампудель, – засмеялась Лиза, – сюрприз сделать хочешь?

Схватив пакеты, дети улетели на кухню, откуда моментально понеслись вопли:

– Класс!

– Супер!!

Я тупо сидела на диване, в голове было пусто. Потом появилась первая мысль. Дети правы, надо выйти на проспект и затарить холодильник. Завтра будет некогда, у меня уроки, а потом очередной педсовет. Совершенно непонятно, что я делаю на этих совещаниях. Музыка воспринимается остальными педагогами как смешной предмет. К тому же я ставлю всем детям пятерки и никогда не сержусь, если они посылают друг другу записочки или стреляются жеваной бумагой. Так что толку от меня на педсовете никакого. Но вредная Анна Евгеньевна, директриса школы, категорично заявляет:

– Вы получаете зарплату и обязаны ее отрабатывать!

Меня все время подмывает спросить: «Вы что, считаете такой оклад деньгами?»

– Лампуша, – всунулся в комнату Кирюшка, – где взяла торт?

Я пошла с мальчиком на кухню и обнаружила на столе изобилие: гамбургеры, чизбургеры, коробки с чиккен макнаггетс, упаковки с соусами и пирожками. Еще там лежали две фирменные футболки и стояла коробка с тортом.

– Клево, – взвизгивала Лизавета, кромсая бисквит, – со взбитыми сливками, обожаю!

– Почему на нем написано «С днем рождения»? – не успокаивался Кирюшка.

Я вздохнула. Испуганная Елена Сергеевна насовала в пакеты все, что нашлось в ресторане.

– А это что? – поинтересовалась Лиза, вертя в руках книжечку.

– Дай сюда, – велел Кирюшка. Он вырвал у девочки из рук непонятный предмет и взвизгнул: – Ой, елки! Лизка! Глянь! Бесплатные обеды в «Макдоналдсе»! Да их тут много!

– Где взяла? – сурово повернулась ко мне Лиза.

Рассказывать им правду совершенно не хотелось.

– Я случайно услышала по «Русскому радио», что в «Макдоналдсе» проводится лотерея, поехала и выиграла главный приз.

– Ну круто! – восхищались дети. – Ты теперь можешь год бесплатно есть гамбургеры.

Перспектива целых двенадцать месяцев питаться булками с котлетами выглядела столь угнетающе, что я мигом сказала:

– Это вам!

Буря восторгов бушевала почти десять минут. Потом, успокоившись, Лизочка с жалостью сказала:

– Нам столько не съесть, а на завтра все таким невкусным станет!

– Позовите друзей, – предложила я.

– Верно, – вскинулся Кирюшка и схватил телефон.

– Дай сюда! – приказала Лиза.

– Индейское жилище фиг вам! – ответил Кирка.

– Урод!

– Жиртрестка!

Посмотрев, как они ругаются, выхватывая друг у друга из рук трубку, я пошла в спальню и по дороге увидела, что моя куртка свалилась с вешалки на пол и в ней преспокойненько свила гнездо Муля.

– Просто безобразие, – разозлилась я, вытряхивая мопсиху на пол, – ты хоть понимаешь, что линяешь, а куртка темно-синяя.

Рукава, спина и грудь были покрыты большим количеством мелких жестких светлых волосков. Не желая походить на огромного мопса, я оттащила куртку в ванную и принялась энергично встряхивать ее над рукомойником. Раздался глухой шлепок. На кафельной плитке лежала барсетка Эдика.

ГЛАВА 3

Я уставилась во все глаза на шикарную вещичку, сделанную фирмой «Петрек». Ну надо же, сунула сумочку к себе в карман, а потом забыла. Надеюсь, там нет ничего важного.

Я быстро расстегнула барсетку. Из груди невольно вырвался возглас. Ну ничего себе! Одно из отделений было забито деньгами. Закрыв ванную комнату на щеколду, я вывалила на стиральную машину содержимое сумочки. Так. Десять зеленых банкнот по сто долларов, три тысячи российских рублей, упаковка аспирина, расческа, носовой платок и плоский, крохотный телефон, который я сначала приняла за игрушечный, уж больно кукольно выглядел «Эриксон».

Но не успела я взять в руки аппаратик, как на панели заморгала зеленая лампочка. Звука не было, очевидно, Эдик включил режим отключения звонка. Плохо соображая, что делаю, я откинула крышечку и, ткнув пальцем в кнопку с надписью «йес», поднесла телефончик к уху.

– Ну дорогой, – раздался в трубке капризный голосок, – где же ты шляешься, а? Звоню, звоню, не откликаешься? Да что ты молчишь, опять напился, да?

– Простите, – тихо сказала я, – вам нужен Эдуард Малевич?

– Интересное дело, – взвизгнула собеседница, – кто вы такая и почему отвечаете по его телефону?

Значит, милиция ничего не сообщила жене о смерти мужа. В первую секунду мне захотелось разъединиться, но надо же отдать деньги! Документов в сумочке нет... узнать адрес будет трудно, делать нечего, придется взять на себя роль вестницы несчастья. Вспомнив некстати, что в древние времена цари убивали гонцов, принесших дурные известия, я робко ответила:

– С Эдуардом случилась небольшая неприятность, он не может сам ответить, но у меня в руках его барсетка, тут полно денег, скажите адрес, сейчас привезу.

– Все ясно, – констатировала дама, – опять наакался и в вытрезвитель угодил. Валяйте приезжайте. Улица Речная, дом девять, квартира семнадцать. Это...

– Спасибо, я хорошо знаю это место.

В ухо понеслись короткие гудки. Я вышла из ванной и обнаружила в прихожей на коврике целую кучу ботинок и сапог. Из кухни раздались взрывы хохота, Кирюшка и Лизавета собрали друзей.

Решив ничего не говорить детям, я осторожно вытащила из шкафа беличью шубку и новые сапоги на меху. Немного не по погоде, но Эдик, судя по всему, богатый человек, а его супруга, если вспомнить капризный голосок, та еще фря. Нет уж, лучше я вспотею в шубе...

Дети громко хохотали. Очевидно, они добрались до торта. Я аккуратно прикрыла за собой дверь. Речная улица в двух шагах отсюда, первый поворот направо у светофора, можно не садиться в машину, а пробежаться на своих двоих...

Девятый дом ничем не отличался от своих собратьев, такая же блочная башня, а в подъезде не нашлось ни лифтера, ни охранника. Значит, Эдик не такой крутой, каким хотел казаться, или он разбогател недавно. Насколько я знаю, достигнув определенного финансового благополучия, люди первым делом приобретают престижное жилье, здесь же не было даже домофона.

Зато женщина, распахнувшая дверь, выглядела сногшибательно. Высокая блондинка с осиной талией и большой грудью, обтянутой ярко-красным свитером. Он заканчивался прямо под аппетитным бюстом, потом виднелась полоска голой кожи, пупок с золотым колечком, еще ниже начинались узенькие черные брючки, обрывавшиеся в десяти сантиметрах выше щиколотки.

– Давайте, – бесцеремонно велела она и протянула руку.

Я оглядела ее ярко накрашенное лицо, белые волосы с просвечивающей у корней чернотой и отдала барсетку. Жена Малевича открыла сумочку, присвистнула и сказала:

– Надеюсь, здесь вся сумма. Имейте в виду, я отлично знаю, сколько у Эдьки было баксов с собой.

Я прищурилась и довольно зло ответила:

– Если бы я хотела вас обворовать, то утащила бы все разом!

– Ну ладно, не лезь в бутылку, – миролюбиво ответила девица.

Она казалась очень молодой, лет двадцати, не больше. Густая тушь, черные брови, огненные щеки и кровавые губы не скрывали ее возраст. Порывшись пальцами с отвратительно длинными ногтями в отделении, набитом деньгами, девчонка выудила сторублевую бумажку и царским жестом протянула ее мне:

– Это за услуги, надеюсь, хватит.

Черная волна злобы поднялась из желудка и заполнила мою голову.

– Детка, – процедила я сквозь зубы, – ты бы хоть поинтересовалась, что с Эдуардом!

– Подумаешь, – фыркнула любящая женушка, – эка невидаль! Опять надрался и в вырезвитель попал, еще хорошо, что не в ментовку!

– Нет, – медленно ответила я, – он, как ты выражаешься, в ментовке!

Девчонка подпрыгнула:

– Ну блин! В каком отделении? Это же опять надо туда бабки тащить!

Понимая, что иного выхода нет, я брякнула:

– Нет, деньгами тут не поможешь, дело очень серьезное.

– Под уголовную статью попал! – всплеснула руками супруга. – Знаем, проходили! Неделю тому назад он долбанул одного мента кулаком по зубам! Ну вы не поверите, сколько содрали! До сих пор вздрагиваю!

– Эдик мертв, – тихо сказала я.

– Как? – отшатнулась девчонка. – Что вы имеете в виду?

– Его убили сегодня в ресторане «Макдоналдс», странно, что никто из милиции не сообщил вам о случившемся.

– Ничего не понимаю, – трясла головой госпожа Малевич, – просто ничегошеньки. Вы имеете в виду, что он напился в ресторане, как труп?

– Нет, – жестко ответила я, – он на самом деле труп.

– Ой! – взвизгнула девица, закатила глаза и рухнула на пол.

Я захлопнула дверь и побежала искать кухню. Квартира была маленькой, неудобной, с узким крохотным коридором и пятиметровым пищеблоком. Оборудован он оказался старенькой мебелью, затрапезным холодильником «Минск» и электроплитой российского производства.

Не найдя никаких лекарств, я набрала в чашку холодной воды и брызнула на лицо госпожи Малевич, но та не подавала признаков жизни. Слегка испугавшись, я намочила полотенце и стала тереть щеки и лоб девчонки. Светло-зеленая махровая ткань стала разноцветной, боевая раскраска смылась, из-под нее появилось бледненькое личико, слегка простоватое, но милое, с

пухлыми губками, которым совершенно не нужна помада.

– Не надо, – прошептала госпожа Малевич, пытаюсь сесть, – перестаньте возить по моему лицу тряпкой.

Спустя десять минут мы сидели на крохотной кухоньке, опершись локтями о стол, мадам Малевич причитала:

– Боже! Что теперь со мной будет! Катастрофа! Квартира оплачена только до декабря, денег никаких нет!

– Там в барсетке тысяча долларов и еще рублями много, – тихо сказала я.

– Ерунда, – ныла девчонка, – еле-еле хватит на месяц кое-как перебиться. А потом мне куда? На улицу, да? Чем платить за жилплощадь? На что одеваться! Ну, Эдик, ну, свинья!

Я с искренним удивлением смотрела на девчонку. Говорят, что каждый народ заслуживает своего вождя, а всякий муж получает ту жену, которой достоин. Интересно, за какие грехи наградил Эдика бог этим чудовищем.

– Вы бы хоть позвонили в милицию, – вырвалось у меня, – сейчас телефон дам!

– Зачем? – взвизгнула девчонка. – Терпеть не могу ментов!

– Они все равно к вам придут!

– Зачем? – тупо спросила девица.

– Ну как же? Обязательно.

– Да зачем?

Я растерялась.

– Показания снять, и потом, вы же его хоронить будете?

– Это еще зачем?

Тут я совсем онемела.

– И не подумаю даже, – неслась дальше девчонка. – Похороны! Еще скажите про поминки! Знаю, знаю, сколько денег выбросить надо! У нас, когда дед перекинулся, мать-дура всю сберкнижку на идиотство растратила, мигом по ветру пустила все, что долго собирали: гроб дорогуший зачем-то заказала, оркестр, водка ящиками! Лучше бы о живых подумала. Этот-то все равно уже помер!

Я лишь хлопала глазами. С подобными экземплярами мне еще не приходилось сталкиваться. Неудивительно, что несчастный Эдька пил горькую. Странно, что не употреблял наркотики, живя возле этой гарпии.

Не замечая произведенного впечатления, девица вопила дальше:

– И вообще, почему я? Пусть его Гема закапывает, ей больше моего досталось!

Странное имя Гема резануло мне слух, и в мозгу забрезжил лучик света.

– погоди, ты не его жена?

– Нет, конечно, – фыркнула девица.

– Почему же тогда велела сюда приехать с барсеткой?

– Потому что этот козел здесь последнее время жил, – в сердцах воскликнула девчонка. – Обещал, блин, алмазные горы. «Погоди, душечка, на золоте кушать станешь». Как же! Умер и оставил меня нищей! Между прочим, с работы из-за него уволилась! Вот уж повезло так повезло!

– Тебя как зовут?

– Лена, – ответила девица и вытащила пачку «Парламента».

– Значит, барсетку следовало отдать не тебе!

– Еще чего, – взвизгнула Лена, – он тут все время проводил. Доллары мои!

– Телефон его жены знаешь?

– Гемы? Естественно!

– Давай.

– Зачем?

– Давай, говорю, а то и впрямь сейчас сюда милицию вызову. Вот весело будет! Ты по закону Малевичу никто, живо кошелек покойного отнимут!

Лена сжала губы, потом процедила:

– Возле телефона, на бумажке написан, любуйтесь.

Я потыкала пальцем в кнопки, услышала тихое, словно шорох осенней листвы, «алло» и уточнила:

– Простите, я говорю с госпожой Малевич?

– Да, – донеслось издалека.

– Меня зовут Евлампия Романова, мы учились вместе с Эдиком в консерватории, алло, вы слышите?

В мембране раздался шорох, треск.

– Алло, – повторила я, – Гема, вы на проводе?

– Да, – донеслось сквозь пустоту, – да.

– Вы знаете, что случилось сегодня?

– Да, мне звонили из милиции.

– С вами кто-то есть?

– Нет.

– Может, подъехать?

– Да, – с жаром воскликнула женщина, – да, пожалуйста, очень страшно одной, умоляю, если возможно, прошу...

– Давайте адрес.

– Софроньевский переулок, дом восемнадцать.

– Это где?

– В двух шагах от метро «Проспект Мира».

Я глянула на часы. Ровно шесть. Лена, совершенно спокойная, курила «Парламент».

– Давай барсетку, – велела я.

– А ху-ху не хо-хо? – заржала девица и добавила: – Вали отсюда, пока цела! В милицию она позвонит! Как бы не так. Это я сейчас сообщу в отделение, что ко мне ворвалась ненормальная!

Поняв, что с хамкой бесполезно спорить, я вышла на лестницу. Судя по короткому разговору, Гема совсем другой человек. Представляю, как жутко сейчас бедной женщине. Конечно, мы с ней незнакомы, но с Малевичем нас связывают годы совместной учебы, короткий роман и взаимная симпатия, сохранившаяся, несмотря на то, что мы очень давно не встречались. На улице совсем стемнело, и стоял жуткий холод. Впечатление было такое, будто на

дворе Крещение, а не самое начало ноября. Машины ехали медленно. Я задумчиво пошла в сторону дома. Похоже, на дороге жуткий гололед, наверное, лучше оставить «копейку» спокойно стоять в гараже. Я не слишком опытный водитель и в такую погоду не стану рисковать. Тем более что наш дом стоит у метро, а Гема живет рядом со станцией «Проспект Мира».

ГЛАВА 4

Вход охранял вежливый, но суровый секьюрити, пол и лестница в подъезде были из мрамора, в огромном лифте сверкало зеркало и пахло хорошими духами. Одним словом, сразу становилось понятно: тут обитают не хронические алкоголики с бомжами, а люди, добившиеся успеха в жизни.

Гема оказалась полной противоположностью яркой Лене. Невысокого роста, с идеально уложенными волосами, какими-то блеклыми, словно застиранными глазами, с бледным лицом и бескровными губами. Я сама не дотянула ростом до метра шестидесяти, а весом до пятидесяти килограммов, но рядом с Гемой выглядела словно тучный боров. Жена Эдика была совсем бестелесной, я впервые видела даму с размером бюста меньше моего. При этом учтите, что лифчик 75А мне катастрофически велик, а для того, чтобы не бежать домой, в обход вечно запертых ворот, я запросто протискиваюсь между прутьями.

– Здравствуйте, – прошелестела Гема, – раздевайтесь, хотите кофе?

– Лучше чай, – ответила я, вешая шубку в большой шкаф с зеркальной дверцей.

Гема молча стояла, свесив тонкие руки вдоль тела.

– Ну долго еще ждать? Чайник вскипел, – раздался из глубины квартиры бархатистый голос Эдика, – валите сюда!

От неожиданности я выронила шубу. Спина мигом покрылась липким потом. Малевич жив? Рана оказалась не смертельной?

– Ну, девочки, – надрывался голос, – давайте, водка стынет, картошечка, селедочка, кар-кар-кар...

Эдик закаркал. Я перевела глаза на Гему и растерянно спросила:

– Это кто?

Женщина тяжело вздохнула:

– Ужасно, правда?

– Эдик жив?!!

Гема, не говоря ни слова, распахнула дверь в кухню. Оттуда вышел, именно вышел, а не вылетел, большой попугай. Весьма непрезентабельного вида: серый, словно заяц летом, и какой-то взъерошенный.

– Это Арчи, – пояснила Гема, – он удивительный имитатор и страшно умный. Иногда мне кажется, что он на самом деле не птица, а заколдованный ребенок, даже подросток.

Словно услышав эти слова, Арчи разинул клюв и издал мяуканье, до отвращения натуральное, потом свесил голову набок и спросил:

– Ты кто?

От неожиданности я ответила:

– Лампа.

Арчи свистнул и ушел.

– Ужасно, правда? – повторила Гема, а потом поинтересовалась: – А откуда вы узнали про смерть Эдика?

Я вздохнула и предложила:

– Может, сядем где-нибудь?

– Да, конечно, – засуетилась она. – Простите, у меня сегодня мозги не работают. Проходите сюда.

Мы вошли в огромную кухню-столовую, хозяйка села на диван, потом вскочила, налила мне чай... Ее движения были суетливы, а руки плохо слушались. Сначала Гема уронила ложку, потом просыпала сахар, неловко оторвала ниточку от пакетика. Но внешне она держалась молодцом, не плакала, хотя иногда ее голос предательски срывался.

Я потыкала в пакетик «Липтона» ложечкой и рассказала о посещении «Макдоналдса».

– Как вы думаете, – прошептала вдова, – он не мучился, не страдал?

Я вспомнила выпученные глаза трупа, искаженное гримасой лицо и быстро ответила:

– Нет, нет, умер тихо, с улыбкой на устах.

– Хотя это хорошо, – пробормотала Гема. – Эдик очень боялся боли.

Мы помолчали пару минут, потом Гема, аккуратно положив на мою руку невесомую, словно сухой октябрьский лист, ладошку, улыбнулась:

– Очень рада, что именно вы оказались с ним в последние минуты. У вас ведь был роман?

Я натянуто засмеялась:

– Ну, это громко сказано. Просто много лет назад, еще учась в консерватории, пару раз мы сходили вместе в кино. Но любовь не сложилась, а потом Эдик женился на Ниночке Арбени.

– Бедная Ниночка, – вздохнула Гема, – вы знаете, что с ней случилось?

– Нет. Встречала одно время фамилию на афишах, но в те годы, когда я концертировала, мы не сталкивались. Понимаете, я всегда была не слишком популярна, а если говорить правду, мной просто разбавляли сборный концерт. Помните, как раньше делали? Сначала чтец с поэмой о Ленине, потом балетная пара из театра, следом кто-то исполняющий классическую музыку, а уж потом эстрадный певец, дрессированные собачки, акробаты и юморист-сатирик... А Ниночка давала сольные концерты в лучших залах, два отделения... Она была элита, а я рабочая лошадка вроде тех, что вращали колесо у колодца...

Гема робко улыбнулась, потом опять помрачнела:

– Ниночка умерла.

– Да ну, – ахнула я. – Когда?

– Девять лет назад, собственно говоря, именно из-за ее кончины я и вышла замуж за Эдика. Мы были лучшие подруги, понимаете?

– Честно сказать, не очень, – проямлила я.

– Вы торопитесь?

– Нет-нет, – вежливо ответила я.

– Давайте расскажу про нас с Эдиком?

Я подавила тяжелый вздох. Если что и не люблю, так это выслушивать чужие откровения, но бедной Геме, наверное, лучше выговориться. Я украдкой глянула на часы: начало восьмого. Ладно, время пока есть, попробую поработать для бедняжки жилеткой, а потом... Ну есть же у нее, в конце концов, более близкие знакомые, родственники, вот и позвоню кому-нибудь.

Ниночка Арбени и Гема познакомились в детстве. Девочки жили в одном дворе и частенько бегали друг к другу в гости. Родители не протестовали. Папочка Нины был профессором консерватории, а отец Гемы – академиком. Правда, к миру искусства он не имел никакого отношения, служил в закрытом НИИ, что-то связанное с медициной или биологией. Честно говоря, Гема не слишком

интересовалась в детстве занятиями родителей, это потом она узнала, что любимый папа – мировая величина в области медицины, а мать его правая рука. И Ниночка и Гема ходили в музыкальную школу, только Арбени носила скрипку, а ее подружка просто папку для сольфеджио. У Гемы обнаружился голос. Потом пути подружек разошлись. Ниночка, естественно, поступила в консерваторию, Гема даже не стала пытаться начинать карьеру оперной певицы. Голосок был, но маленький, камерный, можно радовать близких на вечеринках, играя на рояле и распевая романсы, но и только. К тому же у Гемы оказалось слабое здоровье... Она поступила в медицинский и честно отучилась там положенные годы, потом папочка нажал на все педали, и дочурку взяли в ординатуру, впереди маячила защита диссертации и работа в институте отца... Но Гему не очень-то волновали глисты и всякие кожные паразиты, которыми занимались родители, ей вообще не нравилась медицина. Лечить людей она не хотела. От практики в больницах осталось самое неприятное воспоминание: больные отвратительно выглядели, от них мерзко пахло, а при виде неопрятных старух у Гемы начиналась тошнота... Поэтому она твердо решила идти в науку. Но, честно говоря, ее клонило в сон при виде микроскопа... Жизнь казалась беспросветной, да и на личном фронте никаких подвижек не было, мужчины обходили Гему стороной. Их не привлекало даже богатое приданое: квартира, машина, дача – уж больно бесцветной казалась невеста.

У Ниночки же все шло прекрасно. Еще учась в консерватории, она выскочила замуж за Эдика Малевича, провинциального талантливой мальчика, хорошо складывалась и ее карьера скрипачки. У Нины появились имя и свой круг слушателей...

Женщины продолжали дружить. Гема частенько забегала к Нине, радуясь, что у подруги все хорошо. Скоро у них вошло в традицию ужинать вместе. Вместе же ездили отдыхать. Эдик считал Гему сестрой Ниночки, и отношения у них были почти родственные.

Потом случилось несчастье. Арбени заболела. Стоит ли говорить, что были приглашены лучшие специалисты, светила медицины. Один за другим ставились и отменялись диагнозы – рак, туберкулез, астма... Врачи терялись в догадках, а Ниночка все кашляла и кашляла, худела, температура постоянно держалась на 37,2 или 37,5... Потом она слегла, у нее стала идти горлом кровь. Никакое лечение, включая лучевую и химиотерапию, не помогало, и бедная Ниночка тихо скончалась, оставив безутешных родителей и мужа.

Доктора потребовали вскрытия, всем было интересно, что за болезнь убила молодую женщину, но профессор Арбени встал на дыбы:

– Не дам кромсать дочь.

Желая убедить старика, доктор опрометчиво сказал:

– Может, узнав о причине смерти Нины, мы спасем других людей!

Арбени взвился:

– Еще чего! Ниночке уже не помочь! Категорически запрещаю использовать ее для вашей идиотской науки!

Испугавшись, что врачи не послушаются, профессор забрал тело дочери домой.

За день до смерти Ниночка сказала Геме:

– Похоже, мне крышка.

– Ну что ты, – потихоньку вытирая слезы, ответила та, – вот через недельку вернется из Африки мой папа, он тебя точно вылечит!

– Нет, – прошептала Нина, – конец пришел. Единственное, о чем тебя прошу, выходи замуж за Эдика, из вас получится хорошая пара.

– Не говори глупости, – рассердилась Гема.

Но Ниночка упорно повторяла:

– Обещай мне это.

В конце концов Гема нехотя ответила:

– Ладно, когда ты в девяносто лет скончаешься, я, так и быть, стану Эдькиной женой.

– Вот и хорошо, – пробормотала Нина и закрыла глаза.

Больше она в себя не приходила, вечером началась агония, а в три утра красавица Нинуша скончалась.

Через месяц после похорон Гема и Эдик стали везде появляться вместе. История о том, как Ниночка просила подружку занять свое место возле Малевича, была широко известна. Ее разболтала медсестра, присутствовавшая при печальной сцене. Никто из знакомых не осудил ни Гему, ни Эдика, наоборот, все только сочувствовали им и восхищались проявлением редкой по нашим временам дружбы. Свадьба никого не удивила, так Гема стала госпожой Малевич.

Вместе с браком неожиданно пришла удача. Через два года она открыла в себе редкий дар экстрасенса и занялась лечением людей, потом стала давать коллективные сеансы...

– Погодите, – потрясенно воскликнула я, – «Гема Даутова – ваш спасательный круг». Господи, ну и ну! Да я повсюду видела ваши афиши!

Гема кивнула:

– Правильно, мы решили, что мне лучше выступать под девичьей фамилией. Никто же не знал, что Эдик ломает руку и перестанет концерттировать!

Дав удачу Геме, господь отнял ее у Эдика, жизнь вообще похожа на сообщающиеся сосуды: когда в одном месте убывает, в другом прибывает, и наоборот. Спустя два года после новой женитьбы Малевич сломал руку. Неприятность, но отнюдь не катастрофа для тысяч людей. Для тысяч, но не для скрипача. Год он просидел дома, уйдя в запой. Гема моталась по России с сеансами. К ней пришла известность, Даутова собирала гигантские залы. Во время выступлений частенько случались чудесные исцеления тяжело больных людей. Парализованные вставали, слепые прозревали, немые начинали говорить, а аллергия и псориаз исчезали через неделю. Гема начала зарабатывать бешеные деньги. Теперь на нее работала целая структура: администраторы, распространители буклетов, торговцы косметикой. Гема выпускала «заряженный» крем для лица, который женщины расхватывали, словно горячие пирожки. Поговаривали, что желтоватая масса, разложенная в

простые розовые коробочки, творит чудеса.

Одним словом, Гема взлетала, а Эдик падал все ниже. Потом и ему улыбнулась удача. Один из приятелей, довольно большая шишка, предложил место... директора кладбища.

Сначала жена ужаснулась и твердо сказала:

– Нет.

Но Эдик неожиданно засмеялся:

– Так мне и надо! Знать, суждено на погосте кантоваться.

Но неожиданно Малевич увлекся необычным бизнесом.

– Эдичка все хотел стать лучше всех, – грустно говорила Гема, – если скрипачом, то непременно гениальным, а если директором кладбища... Вы не поверите, какой он навел там порядок... Уволил всех пьянчуг, выгнал бомжей, открыл церковь... Выстроил концертный зал и начал приглашать туда лучших исполнителей...

Гема замолчала, потом тихо продолжила:

– К нему приходили такие музыканты! Скрипач Давидовский, виолончелист Марков, пианистка Сотникова, часто выступал хор Караваева... Да туда не только весь Белогорск бегал, из Москвы слушать приезжали...

У Эдика появились деньги, Гема из тридцати дней в месяце бывала дома от силы неделю, вот мужик и пустился во все тяжкие... Он опять начал пить, правда, не так, как раньше, и бегать по бабам.

– Мне было очень тяжело, – вздыхала Гема, – я любила Эдика настолько, что даже была готова закрыть глаза на его романы. В конце концов он всегда ко мне возвращался... Только девиц Эдик подбирал отвратительных, в особенности последнюю, Лену. Она работала в стрип-баре. Эдика снял ей квартиру, одел, обул, а у той в голове были только деньги...

– Я ее видела...

– Да? – изумилась Гема. – И где? Разве вы общались с Эдиком? Я поняла, что после окончания консерватории вы не встречались...

Пришлось рассказать про барсетку. Гема всплеснула руками.

– Ну какая дрянь! И телефон у нее остался?

Я растерянно кивнула.

– Вот незадача, – прошептала Гема, – прямо беда...

– Почему?

– Да у Эдика был навороченный «Эриксон» последней марки, с голосовой почтой, роумингом и прочими прибабасами... Еще в аппарате калькулятор, выход в Интернет, но, самое главное, телефонная книжка. Эдичка держал там номера всех своих знакомых, и я просто не сумею предупредить их о поминках! Как поступить? Страшно не хочется звонить этой даме!

Чувствуя свою вину, я предложила:

– Хотите, съезжу к Лене и заберу телефон? В конце концов, это из-за меня вы лишились денег...

– Доллары ерунда, – отмахнулась Гема, – я готова отдать в два раза больше, чтобы найти убийцу Эдика.

Я вздохнула:

– Вы предложите милиционерам деньги, может, они тогда станут проворней!

Гема печально улыбнулась:

– Ах, милая Лампа, наши доблестные органы возьмут баксы и ничего не сделают! Обманут как пить дать, нет у меня к ним доверия...

– Наймите частного сыщика!

Гема вновь улыбнулась:

– Моя подруга недавно обратилась в агентство. Втемяшилось ей в голову, что супруг изменяет. Я ее уговаривала бросить эту затею, да безуспешно. В общем, агент бегал за мужем, показывал отчеты, вытянул из нее не одну тысячу... Знаете, что выяснилось?

– Ну?

– Ни за кем он не следил, просто дурил моей знакомой голову, представляя липовые наблюдения. После такого случая как-то не очень хочется отдавать деньги «Шерлокам Холмсам». Вот если бы нашелся честный милиционер, готовый помочь... – У меня есть такой знакомый...

– Правда? – обрадовалась Гема. – Лампа, дорогая, приведите его ко мне.

– Не знаю, согласится ли он, и потом, имеет ли право заниматься частным сыском...

– Умоляю, уговорите, как, простите, его имя?

– Володя Костин, он майор, очень опытный сотрудник...

– Пожалуйста!!!

Глаза Гемы налились слезами, потом блестящая капля потекла по щеке.

– Эдик! Мой бедный муж! Мне не будет покоя, пока не найду убийцу. Это единственное, что я могу для него сделать... Боже, как ужасно, ну за что?

– Попробую, – растерянно сказала я, – очень постараюсь, но, ей-богу...

– Ни слова больше, – лихорадочно вскрикнула Гема, – вы единственная, кто может помочь, а деньги – вот они, возьмите...

Она нервно вскочила на ноги, подбежала к буфету, выдвинула тяжелый ящик и стала кидать на стол пачки.

– Раз, два, три, четыре...

– Не надо, – совсем растерялась я, – не надо долларов.

– Нет-нет, – возбужденно выкрикивала Гема, – вы поможете, я знаю. Бог мой, да я не смогу заснуть, пока убийца не окажется за решеткой! Возьмите, сейчас же возьмите, иначе прямо сию секунду выпрыгну из окна!

Руки ее тряслись, голос прерывался... Честно говоря, вид у нее был безумный, и впрямь еще, не дай бог, покончит с собой. Я сгребла пачки в сумку. Пусть успокоится, а завтра верну деньги. Кстати, вечером поговорю с Володией, может, он и согласится... Майор нуждается в средствах, вот только я не знаю, как на это посмотрят у него на службе...

Увидав, что я взяла деньги, Гема успокоилась и закурила, потом тихо спросила:

– А телефон принесете?

– Обязательно, – поспешила я согласиться, боясь, что у бедняжки вновь начнется истерика.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Съездите и привезете?

– Конечно, – успокоила я Гему, – не волнуйтесь. Часа за два обернусь, ну, чтобы очень не спешить, за два с половиной.

– Спасибо, – шептала вдова Эдика, – спасибо, у меня близких друзей после смерти Нинуши не осталось, попросить некого... Вот, думаю, может, и мне на тот свет уйти, вместе с Эдичкой... Ну как жить без него!

И она опять заплакала, на этот раз тихо, как больной щенок. Острая волна жалости пробежала по моему телу. Я обняла Гему за худенькие плечи и почувствовала, что она трясется. Женщина уткнулась в меня лицом. Так мы стояли какое-то время, потом Даутова резко отшатнулась.

– Извините, со мной такое впервые, обычно я хорошо владею собой!

– Вы пережили шок, это естественно.

– Спасибо, что поддержали меня в трудную минуту.

– Ерунда. Значит, ждите, я скоро вернусь.

Гема проводила меня до лифта. Когда кабина приглашающе раскрыла двери, вдова Эдика неожиданно сказала:

– Знаете, мне кажется, я могу подсказать специалисту, где искать убийцу.

Я застыла на площадке.

– И где же?

– А на кладбище, – с чувством произнесла Гема, – там последнее время творились дивные дела. Некий Саврасов Жора угрожал Эдику, что-то они там не поделили, ну и...

Я шагнула в лифт и собралась нажать кнопку:

– Помните, – неожиданно торжественно возвестила Гема, – вы обещали помочь. А мне сейчас врать нельзя, мне нельзя, мне – нет!

– Конечно, конечно, – суетливо сказала я, – ни о чем не волнуйтесь.

Лифт ухнул вниз. Вежливый секьюрити распахнул передо мной двери. Я вышла на улицу и поежилась, мороз крепчал, шуба пришлась весьма кстати, да и новые сапоги на меху тоже...

На Речную улицу я добралась быстро и без всяких приключений. Сложности начались потом. Лена не собиралась открывать дверь. Я звонила и звонила, но за створкой стояла пронзительная тишина. Никто не откликнулся и на стук. Наконец устав, я обратилась в соседнюю квартиру. Высунулся парень лет двадцати, всклокоченный, с помятым лицом, скорей всего он только что безмятежно спал. На улице стоит отвратительная погода, и лучше всего сейчас проводить время, забившись под одеяло.

– Чего надо? – недовольно буркнул мальчишка.

– Не знаете, где ваша соседка?

– Ленка?

– Да.

– На дискотеку усвистела или в клуб...

– Название подскажете?

Парень заржал:

– Ну вы и приколистка! Хрен знает, куда ее поволокло!

– Почему вообще вы решили, что она на дискотеку ушла?

– Так я видел Ленку полчаса назад. Бежит такая нарядная, в красной юбочке, меховой курточке, фр-р-р мимо меня. Ну я и спросил: «Куда такая прекрасная?» А она засмеялась, ручкой махнула: «На танцы, на машине с кавалером». Ну и разбежались.

– А когда вернутся, не говорила?

– Нет, конечно, что я, прокурор, чтоб передо мной отчитываться! А вы кто?

– Тетя Лены, вот приехала, а племянницы нет!

– Понятно, – протянул юноша, – только ничем помочь не могу, Ленка у нас девка заводная, может всю ночь пропрыгать.

И он захлопнул дверь. Я расстроено постояла у запертой квартиры. Ну и как поступить? Бессердечная девица, получившая денежки, унеслась на гулянку, а бедная Гема ждет моего возвращения с телефоном! Взгляд упал на дверь. Самый элементарный замок, к тому же створка неплотно прилегала к косяку и был виден блестящий язычок. Плохо понимая, что делаю, я вытащила из сумочки пилочку для ногтей, поддела кусочек металла... Раздался легкий щелчок, дверь раскрылась.

Посмотрев по сторонам, я скользнула в квартиру и осторожно захлопнула хлипкую, похоже, сделанную из обувной коробки дверь. Конечно, очень нехорошо входить в жилище в отсутствие хозяйки, вообще говоря, на языке Уголовного кодекса подобные действия называются «нарушением чужого жилища», и светит за них приличный срок. Но я-то не собираюсь ничего красть. Мне нужен только телефон, надеюсь, что Лена не взяла «трубу» с собой, чтобы форсить перед подружками.

«Эриксон» лежал на кухне. Теперь на нем горела не зеленая, а красная лампочка, небось разрядилась батарейка. Я радостно сунула телефон в сумочку и осторожно выглянула на лестничную площадку... Никого. Из квартиры слева доносились рокошующие звуки музыки. Парень окончательно проснулся и врубил то ли радио, то ли магнитофон. «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино, но, как птицы, садимся на разные ветки и засыпаем в метро». Соседи справа отчаянно ругались. Из недр их апартаментов раздавались женский визг и мужской крик. Никому не было до меня дела. Захлопнув дверь, я, не желая столкнуться с Леной, побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

ГЛАВА 5

К дому Гемы я подошла, запыхавшись. Секьюрити улыбнулся мне, как старой знакомой. Я села в лифт, вознеслась на нужный этаж и увидела на двери пришпиленный кнопкой лист – «Лампе». Я развернула записку, глаза побежали по строчкам.

«Дорогая Лампа, извините, что втягиваю вас в эту историю, вы и так оказали мне любезность. Квартира открыта, в спальню не входите, вас ждет зрелище не из приятных. Пожалуйста, вызовите милицию и сделайте для меня еще одно, последнее, доброе дело – будьте понятой. Очень не хочется, чтобы по нашей квартире бродили посторонние люди. Я ухожу к Эдику совершенно добровольно. Мое существование теперь бессмысленно. Можно не выполнять мою последнюю просьбу, не надо. Честно говоря, нам уже все равно. Ваша Гема».

Я влетела в квартиру, схватила лежащий на журнальном столике телефон и, набирая одной рукой 03, другой толкнула дверь в спальню. Гема лежала на кровати. Тело вытянуто, туфли аккуратно стоят на коврике, руки сложены на груди, лицо спокойное. Даже умиротворенное.

– «Скорая», тринадцатая, слушаю...

Я нажала на кнопку. Нет, врач тут не нужен. Вы никогда на задумывались над тем, чем спящий человек отличается от мертвеца? Оба лежат тихо, но у последнего делается совершенно особое лицо, из него что-то уходит, жизнь, наверное.

Гема была мало похожа на себя. Маленькое личико скукожилось до размеров кулака, щеки впали, нос заострился, лоб приобрел желтовато-синеватый оттенок.

На тумбочке стоял пузырек и лежала записка. Я вызвала милицию и прочитала короткий текст: «В моей смерти прошу никого не винить. Яд принят совершенно добровольно. Жизнь без любимого мужа мне не нужна. Гема Даутова-Малевич». Внизу стояли число, подпись, а сверху лежал паспорт.

Милиция приехала только через два часа. Все время до появления специалистов я сидела на кухне, тупо уставившись в работающий телевизор. Шла викторина «Что? Где? Когда?». Я очень люблю передачу со знатоками, но сегодня не запомнила ни одного вопроса и не услышала ни одного ответа. Просто паялилась

в экран, не понимая смысла происходящего.

– Лампа, – крикнул из коридора знакомый голос, – ты где, несчастье ходячее?

Я почувствовала, как с души свалилась свинцовая тяжесть. Слава богу, пришел Володя, теперь можно и расслабиться.

С майором мы познакомились при чрезвычайных обстоятельствах. Он вел дело о похищении Кати[3 - См. роман Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».]. Потом из знакомого Володя превратился в приятеля, а затем в лучшего друга. Мы уговорили нашу соседку из однокомнатной квартиры обменяться с ним площадью и теперь живем рядом, получив возможность общаться друг с другом всегда, когда захочется[4 - См. роман Дарьи Донцовой «Покер с акулой».]. Впрочем, последнее утверждение не совсем верно. Я бы с удовольствием проводила с Костиным все вечера у телевизора, но только майор постоянно занят, пытается искоренить преступность в столице за крохотную зарплату. «Последний романтик ментовки» – так зовет его ехидный Сережка. Впрочем, Володя не обижается, он на самом деле любит свою работу. Знаете, Феликс Дзержинский говорил: «Чекист должен иметь чистые руки, горячее сердце и холодную голову».

Правда, фраза эта адресовалась работникам НКВД, многие из которых вывалились в дерьме по самые уши. Но Костин как раз полностью соответствует выдвинутым требованиям. Он умен, наблюдателен и хорошо образован, взятки не берет, а в его душе часто пробуждается жалость не только к потерпевшим, но и к преступникам, некоторые из которых, став жертвой обстоятельств, нарушили закон от безнадёжности.

– Ну, Ламповский, – хмыкнул Вовка, – руки на затылок, лицом к стене, ноги на ширину плеч и быстро говори правду. Чистосердечное раскаяние уменьшает вину...

Но потом он увидел мое перевернутое лицо и бросил ерничать.

– Рассказывай.

Как могла, я изложила события. Единственная информация, утаенная от приятеля, была о деньгах, лежащих в моей сумочке. Дело в том, что вместе с

Володей в кухню вошли еще два совершенно незнакомых парня. Один закурил, другой просто сел на диван. Мне совершенно не хотелось говорить при них о том, что я решила предложить Володе приработок. Совершенно непонятно, как бы они отнеслись к такому сообщению. По этой же причине я ни слова не сказала и о записке, оставленной для меня на двери. Сути дела она не меняла, содержание на листке относилось только ко мне.

Все остальные события я изложила очень подробно, даже покаялась в том, что влезла без спроса в квартиру Лены. Володя молча кивал, парни тоже не проронили ни слова. В конце концов Костин сказал:

– Ясно, топай домой, там побеседуем.

Голос его не предвещал ничего хорошего. Не желая усугубить ситуацию, я вскочила и пошла к выходу.

На улице стало совсем холодно, к тому же поднялся ветер, ледяной, просто пронизывающий. Он мигом залез под шубу, и я затряслась от его прикосновения. Моя белая «копейка» тосковала недалеко от подъезда. Я порылась в сумке, вытащила связку, щелкнула брелком сигнализации и всунула ключ в замок. Он вошел, как всегда, легко, но поворачиваться не захотел. К тому же сигнализация отчего-то не отключилась и выла, как голодный волк. Я вертела ключик и так и этак, но абсолютно безрезультатно. Все понятно, на улице мороз. К сожалению, такая история всегда происходит при холодах, замки у «Жигулей» – слабое место, впрочем, у этого автомобиля хватает уязвимых узлов, помимо дверных запоров, но купить хорошую иномарку мне не по средствам, вот и мучаюсь. Спасибо, наш сосед Максим Иванович подсказал хитрый трюк. Я порылась вновь в сумке, вытащила зажигалку и поднесла дрожащий огонек к боковому стеклу.

Потянулись секунды. Ноги у меня заболели, спину заломило, да еще сигнализация выла как безумная, не желая по непонятной причине отключаться. Наконец раздался щелчок, черненькая пупочка на дверце внутри машины подскочила вверх. Я плюхнулась на сиденье, перевела дух и в ту же секунду изумилась: внутри стоял необычный запах, терпкий, сильный. Больше всего он напоминал аромат мужского лосьона после бритья. Сигнализация исходила криком. Я попробовала засунуть ключ в зажигание и с изумлением увидела, что он туда не входит. Тыча ключом в дырку, я совершенно не понимала, что происходит. Нет, надо вновь запереть машину и идти наверх, к Володе. Майор отлично умеет управляться с любым транспортным средством, все агрегаты на

колесах у него мигом заводятся и приходят в движение, стоит появиться Костину. Правда, у подъезда мирно припаркован микроавтобусик, в котором примчалась «на труп» бригада, мне видно, как водитель спит, положив голову на руль. Можно обратиться к нему, но скорей всего шофер и пальцем не шевельнет для посторонней бабы. Нет, решено, иду к Вовке.

Я открыла дверцу, высунула наружу одну ногу...

– Ага, – раздался нервный вопль, – попалась, паскуда. Сидеть. А то в лобешник получишь.

Ничего не понимая, я уставилась на стоящего перед «копейкой» мужика. На вид странной личности было лет пятьдесят, обрюзгшее личико любителя пива украшали маленькие быстрые глазки, плоский нос и губы, сжатые в нитку. Одет дядечка был самым комичным образом. Торс обтягивала грязноватая короткая «косуха», под которой виднелась довольно несвежая футболка, ноги были облачены в ярко-синие тренировочные штанишки, довершали картину тапочки в виде симпатичных розовых зайчиков. Я чуть было не расхохоталась, но тут увидела в его вытянутой правой руке огромный, устрашающего вида пистолет и похолодела. Кошмар, сумасшедший с оружием.

– Вылезай, – велел псих, тыча револьвером мне в лицо, – давай.

– Зачем? – пискнула я.

– Быстро!

– Не хочу!

– Ах ты, дрянь, – с чувством выкрикнул мужик, – баба, а таким делом занимаешься! С виду приличная, в шубе! Магнитола спереть хотела?

– Что вы, – робко ответила я, зная, что с умалишенными надо разговаривать очень осторожно.

Хоть бы шофер «рафика» поднял голову и посмотрел в нашу сторону. Пистолет такой большой, что он его явно увидит.

– Врешь!

– Нет, конечно, мне не нравится пользоваться автомобилем, в котором орет радио!

– Зачем тогда села в «копейку»?

Я тяжело вздохнула. Трудный, однако, денек выдался, а я так надеялась отдохнуть сегодня, сделать обед, потом поваляться на диване с детективчиком. Ан нет, мало того что прирезали несчастного Эдьку, а Гема покончила с собой, так на десерт еще и встреча с невменяемым дяденькой, удравшим либо из поднадзорной палаты, либо от нерасторопных родственников! Покорившись обстоятельствам, я пробормотала:

– Домой ехать хотела, дети ждут. Может, вы тоже домой пойдете? А то еще простудитесь ненароком. Погода морозная, а вы в тапочках, как бы не заболели.

– В первый раз встречаю подобную наглость, – завопил мужик, размахивая пистолетом, – а ну вылезай, живо!

– Ни за что, – ответила я и вцепилась в баранку.

– Эй, вы там, что случилось? – высунулся водитель из «рафика».

– Помогите, – завопила я, – убивают!

Шофер выбрался наружу, лениво подошел к мужчине и велел:

– Брось пукалку.

– Ах, вы вместе, – взвился дядька, размахивая стволом, – сейчас милицию вызову.

– Я сам милиция, – лениво пояснил парень, – а ну быстро положи оружие, стань мигом к машине, руки – на багажник, живо, кому говорю.

– Она сидит в автомобиле, – сопротивлялся мужик.

В этот момент распахнулась дверь подъезда, и вышла группа людей, во главе которой шагал майор.

– Вовка, – заорала я, – сюда, скорей, на меня напали!

Дальнейшие события заняли секунды. Милиционеры мигом скрутили дядьку и бросили в снег, животом вниз. Возле дверцы остались сиротливо стоять две розовые тапки-зайчонка.

– Да это игрушка, – разочарованно протянул один из парней, разглядывая пистолет.

– Здорово сделан, – ответил другой, – прямо не отличить. Где пистолетик взял, дядя?

– Козлы, – ответил мужик. – Уроды!

Шофер пнул нападавшего ногой:

– Договоришься сейчас.

– Ленька, – велел Костин, – вызывай из районного, пусть заберут.

– Эх, дядя, – вздохнул Леня, вынимая мобильный, – приличный вы человек по виду, хоть и «косуху» носите, а на разбой пошли, с кистенем на дорогу, чистый Соловей-разбойник!

– Уроды долбанные, суки позорные, – завизжал мужик, – да наоборот все! Это баба мою машину угнать хотела! Сигнализация завывала, в окно глянул и понесся в чем был, у сына куртку схватил, женины тапки обул второпях, а у внука пистолет отнял, думал, припугну сволочь, «ТТ» прямо как настоящий глядится! А она, наглая дрянь, жуть, тут вы, козлы...

Я онемела. Господи, надо же было свалить такого дурака. Ведь я оставила сегодня «копейку» во дворе, испугалась гололеда... А потом в связи со всеми происшедшими событиями начисто забыла об этом факте. Так вот почему один ключ не хотел поворачиваться в дверном замке, а другой в стартере...

Володя посмотрел на номер машины и сурово спросил:

– Лампа, в чем дело?

– Э-э... – заблеяла я, – спутала... хи-хи... «жигуленки». Мой такой же, беленький, ржавенький, вот ерунда вышла, просто идиотство.

– И долго мне мордой в грязи лежать? – неожиданно спросил вполне мирно дядька. – Между прочим, могу техпаспорт показать.

– Вставайте, – велел Володя.

– Понимаете, сам не смогу, у меня люмбаго.

– Кто? – удивился простоватый Леня. – Кто с вами? Не понял чегой-то...

– Радикулит у него, – сообщил эксперт, покачивая железным чемоданчиком, – не встанет самостоятельно. Тяни его, ребята, вверх.

Через пару секунд мужик был поднят, отряхнут, обут в зайчики и засунут в машину. Я принялась извиняться.

Домой мы с Володей явились около одиннадцати. Костин позвонил в дверь нашей квартиры.

– Кто? – бдительно поинтересовалась Лизавета.

– Органы в пальто, – крикнул Костин, – давай открывай, Лизок, жрать хочу, сейчас скончаюсь! Девочка распахнула створку и затараторила:

– А у нас ничего, кроме торта, и нет. Лампа совсем от рук отбилась, унеслась невесть куда...

Тут она увидела меня и прибавила звук:

– Ну надо же, пришла! Между прочим, нам завтра в школу!

– Мне тоже, – буркнула я.

– У тебя ерунда на постном масле, – дудела Лиза, – до-ре-ми, а у меня контрольная по алгебре. Четверть короткая, нахватаю троек, и чего?

– Ничего, – прервал ее вопли Вовка, – значит, будешь троечницей. Кончай визжать, ставь чайник, у меня в кейсе колбаса и сыр есть.

Лизавета побаивается спорить с майором. Правда, она пыталась пару раз продемонстрировать ему подростковую строптивость характера и наглость, но закончилось это плохо. Сначала Вовка скрутил ее, потом сунул в ванну и, поливая сверху ледяным душем, заявил:

– Это ты Кате и Лампе фокусы устраивай.

Для пущего устрашения он бросил еще в холодную ванну кусок хозяйственного мыла, при виде которого Лизок, как правило, верещит:

– Уберите вонючую пакость!

С тех пор Лизавета в присутствии майора ведет себя как ангел, а мне в голову закрадываются нехорошие мысли: может, телесные наказания, применяемые к детям, не такая уж плохая вещь?

– Что это у тебя? – спросил Кирюшка, показывая на большую коробку, которую Костин держал в руках.

– Сейчас увидишь, – загадочно ответил Вовка, – иди на кухню.

На столе валялись объедки гамбургеров, остатки жареной картошки и стоял почти съеденный торт. На стуле, неловко свесив руки, спал Сережка.

– Где Катя? – спросила я.

– Дежурит, – ответил Кирюшка, – кто-то у нее потяжелел, вот и осталась в больнице.

Я отвернулась к плите.

– А Юля?

– В редакции, – буркнул Кирка, – номер сдает, Серый недавно пришел, поел и отпал.

Меня всегда поражает способность Сережки засыпать в любом месте, в самой неудобной позе. Ему ничего не стоит захрапеть в метро или в гостях, в разгар веселья.

Вовка поставил коробку на стол, развязал тесемки...

– Привет, – донеслось оттуда.

– Кто это? – ахнула Лиза.

– Арчи, – догадалась я, – ты взял попугая?

Костин кивнул:

– Пожалел птицу. В квартире никого, подойдет с голоду. Пусть пока у нас перекантуется, а там поглядим, куда пристроить. Вот, посмотрел на него и Кешу вспомнил.

У Володи долгое время жил попугайчик по имени Кеша, но потом птичка захворала и умерла.

– Он разговаривает, – радовалась Лиза.

Арчи выбрался наружу, сел на край стола, нахохлился, повернул голову набок, глянул на Кирюшку и сказал:

– Здравствуй. Как тебя зовут? От неожиданности мальчик ответил:

– Кирка.

– Арчи, – сообщила птица.

– Очень приятно, – совсем растерялся Кирюшка.

Наши собаки, привлеченные необычными звуками, явились на кухню, за ними, подняв хвосты, двигались кошки.

– Как бы они его не съели, – беспокоилась Лиза.

Арчи посмотрел на Рейчел, которая, положив морду на стол, обнюхивала коробку, и, неожиданно стукнув терьериху крепким клювом по макушке, сердито сказал:

– Отвяжись!

Совершенно обалдевшая Рейчел осела на задние лапы и растерянно ответила: «Гав...»

– Гав, гав, – отозвался Арчи, – уйди, дура!

Володя засмеялся.

– Ну, будем считать, знакомство состоялось.

ГЛАВА 6

Утро, как всегда, началось в семь сорок. Услыхав противный писк будильника, я рывком села, нашарила тапки, потом вышла в коридор и заорала:

– Подъем!

Полная тишина послужила мне ответом. Не знаю, как в других семьях, а в нашей поднять утром детей невозможно. Включив на всю мощь радио, я ворвалась к девочке:

– Лизавета, вставай!

Гора одеял зашевелилась, на пол посыпались фантики, упаковка от чипсов, журнал «Космополитен» и плюшевая собачка.

– Уйди, Лампа, – донесся глухой голос, – пойду ко второму уроку!

Я решительно стащила с нее одеяло, распахнула настежь форточку и ткнула пальцем в телевизионный пульт.

«Доброе утро, страна!» – заорал ведущий.

– О-а-а, – застонала Лизавета и села, трясая головой.

Так, одна разбужена, займемся Кирюшкой. С ним я поступаю просто, зову Мулю и запихиваю мопсиху под одеяло. Та мигом начинает лизать Кирке пятки. Попробуйте-ка поспать во время такой процедуры.

Убедившись, что и мальчик более или менее отошел от сна, я приступила к завершающей, самой тяжелой стадии операции, пошла в спальню к старшенькому и заорала:

– Сережка, вставай!

Обычно мне помогает Юлечка. Как все женщины, она вскакивает сразу и начинает пинать муженька, но сегодня Сережа вольготно раскинулся один на супружеском ложе. Юля после дежурства по номеру приходит домой в десять утра.

Издавая на разные лады глагол: «Вставай!», – я проделала все возможные действия. Но Сережка, без одеяла, в ледяной комнате, под громовой рев

магнитофона и телевизора, продолжал мирно похрапывать.

– Вставай, – гудела я, – вставай, вставай, вставай...

Но с таким же успехом можно было обращаться к батарее. Кричи на нее, пинай ногами, все равно останется равнодушно висеть на стене.

Устав, я замолчала и разозлилась. Не стану больше усердствовать, пусть опоздает один разочек на работу, так ему и надо!

– Сережа, вставай, – донесся писк откуда-то сбоку.

На полу стоял Арчи.

– Сережа, вставай, – повторил попугай тоненьким детским тембром.

Вот уж никогда не думала, что у меня такой противный голос! Но неожиданный помощник обрадовал.

– Арчи, молодец, будь другом, сядь на кровать и буди негодяя.

Попугай, словно поняв сказанную фразу, взлетел на спинку кровати и повторил:

– Вставай, вставай, вставай.

Естественно, ответа не последовало, я повернулась к двери.

– Ой, – раздался вопль, – ой, Лампудель, ты с ума сошла!

Я оглянулась. Сережка сидел на кровати, держась за макушку.

– Ну, Лампецкий, чем ты меня долбанула?

– Ничем.

– Как это? Очень больно!

Я посмотрела на попугая, мирно сидевшего на спинке, и сказала:

– Спасибо, Арчи, молодец! Так держать!

Через полчаса, когда домашние убежали, я позвонила Володе. Вчера Костин сообщил, что уйдет на работу не раньше десяти, а мне самой надо к третьему уроку.

– Яичницу будешь? – поинтересовалась я.

– Спрашиваешь! – ответил Вовка.

Через секунду загремела дверь, и майор вошел на кухню. Мы мирно позавтракали, и я осторожно спросила:

– Вов, если бы тебе предложили заняться частным расследованием...

– Чем? – вытаращился майор.

– Ну представь такую ситуацию. У одной женщины убили мужа, и она хочет нанять тебя для поиска убийцы.

Володя поставил на стол чашку.

– Бред. Во-первых, частная практика в моей конторе строго-настрого запрещена, а во-вторых, как ты себе представляешь саму процедуру? Если муж убит, значит, заведено дело и кто-то его уже принял к производству.

– А ты узнай, кто, и попроси папочку себе.

Вовка повертел пальцем у виска:

– Лампудель, замолчи. У нас так не принято.

– А как у вас поступают?

– Как, как... Как надо по закону.

– Слышь, Вов, она дает шесть тысяч долларов.

– Такая богатая?

Я вспомнила шикарную машину Эдика, его кошелек, набитый деньгами, роскошно обставленную квартиру, бриллиантовые серьги Гемы и осторожно ответила:

– Обеспеченная.

– Наверное, сильно мужа любила, – вздохнул Володя, – раз такие деньги платить готова. Другие за копейку удавятся, а третьи вообще не заметят, что мужика убили.

Я насторожилась:

– Ты поругался с Верой?

– Она от меня ушла, – сухо сообщил Костин, – и давай больше не обсуждать эту тему. Я человек холостой, естественно, завожу шашни с бабами. Подумаешь, Вера! Сегодня она, завтра другая... Ерунда! Ушла и ушла...

Но по его мрачному лицу сразу стало понятно, что создавшаяся ситуация его очень нервирует.

– Значит, не возьмешься? – быстро перевела я разговор на тему частного сыска.

– Ни за что, – отрезал Володя и встал. – Мне пора.

Я погуляла с собаками, помыла посуду и ушла к себе в спальню. Шесть тысяч долларов мирно лежали в сумке. Ну и как теперь поступить? Да просто отдать деньги родителям Гемы. Только где их искать?

Вспомнив, что она говорила что-то про институт тропической медицины, я открыла справочник и быстро нашла нужный телефон.

– Слушаю вас, – ответил интеллигентный голос.

– Простите, пожалуйста, не работает ли в вашем институте человек по фамилии Даутов?

– Антон Сергеевич, – безукоризненно вежливо сообщила дама, – был долгие годы директором нашего института, но он, к глубочайшему сожалению, скончался несколько лет тому назад.

– Насколько я знаю, его супруга работала вместе с ним?

– Агнесса Николаевна тоже умерла. Вы, наверное, из газеты?

– Да, – быстро ответила я, – «Медицина и жизнь».

Дама продолжила:

– Если хотите писать материал об Антоне Сергеевиче, вам следует побеседовать с его дочерью. Гема Антоновна тоже одно время работала в институте, по-моему, она даже защитила у нас диссертацию... Если очень нужно, я поищу ее телефон.

– Спасибо, он мне известен. А скажите, у Даутова, кроме Гемы, детей нет?

– Нет, – ответила женщина. – И Даутовы жили наукой, и дочку родили уже в зрелом возрасте.

Я повесила трубку. Так, вот ведь идиотская ситуация, доллары отдавать некому. Получается, что я их просто украла. Отвратительно! Ладно, есть у меня одна знакомая со странным именем Федора, владелица частного сыскного агентства. Честно говоря, именовать Федору «директором» как-то слишком. В ее распоряжении нет никаких сотрудников, а сама контора занимает одну крохотную комнату в здании, напичканном разнообразными офисами. У Федоры пока нет никаких клиентов, и она обрадуется, получив заказ, и уж точно не

станет водить клиентов за нос. Может, Федора не слишком удачлива в делах, зато она патологически честна.

Воодушевленная, я набрала ее номер.

– Агентство «Шерлок».

– Слышь, Федька...

– Лампа, – обрадовалась девушка, – ну что, надумала стать у меня начальником оперативного отдела?

– Пока нет, – хмыкнула я, – ты же денег платить не хочешь.

– А где энтузиазм, – воскликнула Федора, – любое дело надо начать, да Пусик от зависти скоро сдохнет!

Пусик – это ее муж, владелец агентства «Феникс». Вот уж у кого полно сотрудников, компьютеров и рабочих площадей. Года два тому назад Федора явилась в «Феникс» наниматься на службу. Но карьера детективного агента не удалась, зато начальник женился на подчиненной, поселил ту в красивой квартире, велел сидеть дома и жарить блинчики. Но надо знать Федьку: больше всего на свете она ненавидит тесто и все, что связано с приготовлением пищи. Через год, продав пару золотых колечек, она открыла «Шерлок». Муж был категорически против, никакой помощи не оказал, и дело у них чуть было не дошло до драки. Но потом оба пришли к консенсусу, и Федора принялась самостоятельно выплывать в море трудного бизнеса. Теперь ее основная задача – добиться успеха и утереть нос супругу. Но, к сожалению, работодатели до сих пор обходят ее офис стороной. Я бы с удовольствием работала у нее, но Федька пока не может платить даже ерундовую зарплату.

– Слышь, Федька, – повторила я, – заказ есть.

– Какой? – спокойно спросила подруга.

Я быстренько изложила суть.

– Извини, – ответила сыщица, – не могу.

– Это почему, тебе не нужны шесть тысяч баксов?!

– Кто ж откажется, – вздохнула Федора, – но вот беда, позавчера пришел первый клиент, оплатил услуги, и я работаю по его делу.

– Возьми два дела.

– Мне одной не справиться.

Я растерянно молчала.

– Слышь, Лампа, – защебетала Федька, – а ты сама возьми, опять же деньжонок заработаешь.

– Я?!

– Ты.

– Но я не умею...

– Ой, ой, ой, – воскликнула Федора, – ну-ка давай припомним, кто нашел Танюшку Митепаш[5 - См. роман Дарьи Донцовой «Покер с акулой»]. И потом, вспомни, сколько ты еще мне рассказывала, а? Да у тебя дар, зря, что ли, зазываю работать к себе начальником оперативного отдела? Брось свою идиотскую преподавательскую деятельность, хватит гнить в школе за двести рублей в месяц! Конечно, сейчас у меня бесплатная работа, но потом-то деньги рекой польются. Извини, мне некогда.

В ухо полетели гудки. Я растерянно положила трубку. В словах подруги есть резон, но мне сейчас недосуг думать на тему о занятиях частным сыском, пора нестись в школу.

Не успела я влететь в здание, как директриса Анна Евгеньевна, монументальная тетка, по виду смахивающая на одну из колонн Большого театра, крикнула:

– Романова, зайдите в кабинет.

Я поплелась на зов.

– Имейте в виду, Евлампия Андреевна, – пророкотала начальница, – у нас тут не частная лавочка. Почему вы вчера пропустили педсовет?

– Но у меня был свободный день! И потом, извините, я думала, он сегодня.

Директриса выпрямилась во весь свой гренадерский рост. Интересно, почему она при объеме талии около полутора метров всегда носит обтягивающие кофточки угрожающе-красного цвета? Может, просто не способна найти в магазинах нужный размер нормального цвета? Или хочет выглядеть устрашающе, чтобы дети не пытались с ней спорить? Правда, вступать в пререкания с Анной Евгеньевной невозможно. Стоит ей возразить, как дама насупливает брови и принимается орать, да так громко, что труба, от звука которой, как известно, пали стены Иерихона, ей и в подметки не годится. С родителями мадам хоть немного сдерживается, но педагогам и детям достается от нее по полной программе. Анна Евгеньевна словесник, и, следует отметить, она великолепно знакома со всем многообразием могучей русской лексики. Переругать даму способен только учитель труда, вечно пьяненький Иван Михайлович, остальные даже и не пытаются.

Кирюшка и Лизавета ходят в самую обычную школу, расположенную в Дегтярном переулке. Никаких денег мы с Катей за обучение не платим. Тамошняя директриса, очень приятная активная тетка, ухитрилась создать отличный коллектив. У педагогов начисто отсутствует злобность и педагогическая вредность. Если пройти по коридорам здания во время занятий, то из-за дверей не доносится никаких звуков, кроме спокойной речи учителей и детского смеха. И потом, мне кажется, что очень точно об атмосфере в школе рассказывают те прозвища, которые дети дают педагогам. Кирюшкину классную кличут – Милочка, а директрису они зовут – Булочка, физик у них Ньютоша, учительница английского языка – Олюня, а русичка – Лиленька...

В той школе, где сейчас работаю я, все иначе. Химика тут обзывают Ядовитой Жабой, немка у них Сволочной Гутен Морген, а географ просто Кретин.

– Имейте в виду, – зудела директриса, – в стране безработица, а вы, между прочим, регулярно получаете зарплату. Если не желаете преподавать, так и скажите, возьмем другую...

– Хорошо.

– Что хорошо? – удивилась, багровея от злобы, начальница. – Что хорошего вы усмотрели в своем прогуле важного мероприятия, направленного на...

– Хорошо, я увольняюсь.

– Но это невозможно, – взвизгнула Анна Евгеньевна, – в середине учебного года!

– Вы же сами сказали только что: «Если не желаете преподавать...» Так вот, я не хочу!

– Не имеете права! – заорала баба. – Не дам вам трудовую книжку.

Я пожала плечами:

– Подумаешь!

– Вас никуда не возьмут на работу без документов.

– Ерунда, куплю в метро новую книжку.

– Зарплату не получите!

– Ну и черт с ней, – заявила я и двинулась к выходу.

– Романова! – прогремела дама.

Я притормозила и ответила:

– У меня есть имя.

– Евлампия Андреевна, – сбавила тон Анна Евгеньевна, – я требую, чтобы вы доработали до конца года.

– Подайте заявление в трех экземплярах, я подумаю над вашим предложением.

– Дура, идиотка, ну и катись отсюда, аферистка гребаная, тоже мне, незаменимый специалист, вали, вали! – начала плевать слюной Анна Евгеньевна.

Как правило, я предпочитаю не спорить с хамами и, уж во всяком случае, никогда не говорю гадости людям, которые меня оскорбляют. Дело не в христианском смирении, просто неохота становиться с ними на одну доску, злиться следует только на равного. Но тут я не утерпела. Руки сами собой схватили пластиковую бутылочку с клеем, пальцы с силой сжали емкость. Блестящая струя рванулась наружу и запуталась в волосах директрисы. Я швырнула пустой флакон на пол и тихо сказала:

– Еще раз взвизгнешь, опущу тебе на макушку пресс-папье, поняла, киса?

– Поняла, – испуганно кивнула баба. Как все хамки, она была жуткой трусихой.

– Вот и ладно, – миролюбиво ответила я, дошла до двери, повернулась и сказала обалдевшей тетке: – Мою зарплату переведи в фонд мира, а трудовую книжку... Засунь ее себе куда больше понравится.

ГЛАВА 7

Дома не было никого, кроме животных и Юлечки, спавшей на кровати прямо в джинсах и свитере. Я прошла на кухню, заварила чай и уставилась в окно. В словах Федоры есть сермяжная правда.

Всю свою жизнь я делаю не то, что хочется. В раннем детстве все за меня решала мама. Именно она отвела дочь в музыкальную школу и посадила за арфу. Мне никогда не приходило в голову спорить с ней, поэтому, получив среднее образование, я отправилась в консерваторию. Мама же выбрала дочурке супруга

и скончалась, оставив чадо, как ей казалось, в надежных руках. Теперь за меня все решал муж. Долгий путь я прошла, прежде чем научилась самостоятельно справляться с проблемами, но жить как хочется все равно не получилось, потому что пришлось зарабатывать деньги. Только работа никогда не приносила мне морального удовлетворения. От тоски, будучи праздной замужней дамой, я увлеклась чтением детективных романов и проглотила, наверное, все, что было выпущено в России. До сих пор для меня нет большего праздника, чем открыть новую книгу Марининой. Количество переросло в качество. Пару раз, попав в криминальные ситуации, я выпуталась из них с легкостью и поняла, что больше всего хочу работать в милиции, как Каменская. Только кто же возьмет туда даму бальзаковского возраста, без юридического образования, не умеющую ни драться, ни стрелять, ни быстро бегать, про вождение машины лучше умолчим. Боюсь, у Шумахера случится инфаркт, если он увидит, как я пытаюсь парковать «копейку». И вот сейчас судьба подсовывает мне шанс. Я не могу оставить себе деньги просто так, а вот если они будут считаться гонораром за проделанную работу, тогда с дорогой душой. Конечно, отчитываться мне не перед кем... Гема умерла, но я просто обещала ей найти убийцу Эдика. Киллер, зарезав Малевича, одновременно прикончил и Гему. Да, я не оговорила, она отравилась сама, но что стало этому причиной? И потом, Гема мне просто симпатична, она из тех женщин, которых я запросто могу представить своей подругой, опять же деньги... Впрочем, хватит лукавить. Больше всего мне по душе сам процесс криминального расследования.

Я решительно ухватила телефон.

– Слышь, Федька, я согласна. А ты дашь мне служебное удостоверение?

– Если приедешь в течение часа, то да.

Долго не раздумывая, я схватила ключи, заперла дверь и понеслась в агентство «Шерлок». Знаю, откуда начать расследование, потому что, провожая меня к двери, Гема обронила фразу: «Я могу подсказать, где искать убийцу... на кладбище. Некий Саврасов Жора угрожал Эдику...»

До Белогорска добираться было проще некуда. От метро «Тушинская» туда ходило сразу два маршрутных такси. Одно, под номером 69, везло до Центрального универмага, у другого на табличке стояло: «Кладбище». Я влезла внутрь и очутилась среди мрачных теток в темных платках. В полном молчании мы покатали по шоссе.

Очнувшись у ворот кладбища, я искренне удивилась. Гема была права, Эдик и впрямь сделал из него нечто необыкновенное. Возле огромных железных ворот, покрашенных черной краской, не толпились бабки с цветами и пьяные нищие. Стояла умиротворенная тишина. Слева от калитки, в стеклянном павильончике, сильно похожем на киоск «Союзпечать», сидел охранник. Увидав меня, он оторвался от газеты, но ничего не сказал. Благополучно пройдя фейс-контроль, я вышла на центральную площадь и ахнула. Посередине стояла скульптура Микеланджело «Оплакивание Христа». Не подлинник, конечно, копия. Левее высилась небольшая церквушка, хорошенькая, как пасхальное яичко, справа виднелось одноэтажное здание из красного кирпича. «Концертный зал» – было написано на вывеске. Прямо перед моим носом маячили указатели «Администрация», «Гранитная мастерская», «Медпункт».

Я пошла по дорожке и уперлась в домик, больше смахивающий на теремок. Но внутри здание скорее напоминало банк – повсюду мрамор, позолота, бронза и вновь секьюрити, на этот раз женщина, одетая в черную форму и подпоясанная широким желтым ремешком, на котором висела кобура.

– Вы к кому? – поинтересовалась охранница.

– Насчет работы я...

– Идите по коридору, комната восемь, там находится Эмма Марковна, она ведаает кадрами, – спокойно ответила девушка и щелкнула турникетом. Я пошла по ковровой дорожке. На подоконниках стояли цветы, правда, искусственные, но отлично сделанные, от настоящих не отличить. На стенах тут и там висели картины. Словом, меньше всего это напоминало контору кладбища. На мой робкий стук в дверь из восьмой комнаты донеслось громкое:

– Входите, входите.

Я вошла в просторную, чистую, обставленную серой офисной мебелью комнату и не сдержала вскрика:

– Вы?!

На меня спокойно смотрела бывшая преподавательница консерватории по классу фортепьяно Эмма Марковна Базилевич. Дама мгновенно отреагировала:

– Фросенька, детка, какими судьбами? Как мама? Зачем ты к нам? Или, не дай бог...

Эмма Марковна помрачнела. Я поспешила успокоить ее:

– Нет-нет, у меня никто не умер. Вернее, сейчас никто не умер. Мама давно скончалась...

– Чай, кофе? – засуетилась Базилевич.

Минут через пять, когда она, закончив хозяйственные хлопоты, успокоилась, я, дергая за ниточку пакетик «Липтона», попыталась вкратце изложить ей основные события моей жизни.

– Боже, – ахала Эмма Марковна, – роман, прямо роман. Поменяла имя! Евлампия! Сидела рядом с несчастным Эдиком! Ужасно!

Я терпеливо ждала, пока буря эмоций уляжется. Наконец Базилевич успокоилась и пробормотала:

– Значит, Эдичка обещал тебе место?

– Да, как услышал, что я без работы...

– Золотой человек, – воскликнула Эмма Марковна. – Он и меня сюда привел! Представляешь, сократили в консерватории штатное расписание и выставили меня на улицу, просто выгнали, да еще намекнули, что старая стала, мол, пора и честь знать, освободить ставку. Кабы не Эдик, щелкать бы мне зубами от голода. Сама знаешь, детей нет, помогать некому.

– Я думала – вы репетируете учеников...

Эмма закатила глаза:

– О нет. Во-первых, артрит замучил, пальцы будто птичьи лапы, такими не очень и поиграешь. Ну, руку, предположим, поставить могу, начальные навыки дать... Но ведь это надо с детьми возиться! Ты и не представляешь, как тяжело с маленькими. А со студентами уже здоровья не хватает... Вот и пришлось в конце жизни новую специальность осваивать.

Я постаралась скрыть улыбку. Большой сплетницы, чем госпожа Базилевич, в консерватории не было. Эмма Марковна всегда знала все про всех, наверное, поэтому от нее и постарались избавиться поскорей при первой возможности. Место в отделе кадров – это та работа, которая должна доставлять ей истинное удовольствие. Думаю, Эдик сильно выгадал, пригласив на службу даму, от которой ничего не скроешь.

– Но Малевич почему-то не сказал мне о вас! – мило улыбнулась я. – Велел обращаться к некоему Саврасову...

Эмма нахмурилась, молча допила чай, потом заявила:

– Ладно, детка, ты своя. Я отлично знала твоих родителей... Значит, слушай. У нас тут много разных людей служит.

Коллектив Малевич подобрал первоклассный. Став директором кладбища, он моментально выгнал вон всех вечно пьяных могильщиков, а затем начал набирать новых. Основное условие при наборе: абсолютная трезвость. Через год кладбище было не узнать. С лопатами в руках ходили несколько бывших инженеров, пара преподавателей, штук шесть сотрудников разнообразных НИИ... Все носили безукоризненную форменную одежду и получали хорошие оклады. От ворот прогнали старух и нищих, построили концертный зал, отреставрировали церковь. Теперь здесь работали только интеллигентные люди. Жили как одна семья. Вместе справляли праздники, общались семьями. Потом Эдик привел на работу Жору Саврасова. Как только Эмма Марковна взглянула на парня, сразу поняла: этот из другой стаи. Уже сам внешний вид нового заместителя директора навевал мысль об определенных структурах. Жора носил обтягивающие мощное тело черные рубашки без галстука. Воротник, не сходявшийся на толстой шее, всегда был расстегнут, и виднелась золотая цепь, больше похожая на якорную, чем на ювелирное изделие. Настораживала и речь парня. Услыхав его заявление: «Ну, чисто конкретно, ребятишки, работать надо», – Эмма Марковна впала в истерику и, влетев в кабинет к Эдику, шлепнула тому на стол папку.

– Что случилось? – улыбнулся Малевич.

– Ваш Саврасов, – кипела Базилевич, – обманул всех. Вот. Я проверила, он дважды отбывал срок, а в анкете об этом ни словечка! Гнать его взащей! Господи, Эдик, где были твои глаза. Хоть понимаешь, кого привел?

Директор спокойно закурил, а потом тихо спросил:

– Эмма Марковна, дорогая, какая у вас зарплата?

Дама удивилась:

– По ведомости шестьсот рублей, но ведь вы еще первого числа конвертик даете.

– Хотите, чтобы в конвертике лежало вдвое больше?

Базилевич хмыкнула:

– Конечно.

– Тогда попытайтесь повернуть мнение коллектива в благоприятную для Жоры сторону, – спокойно пояснил Эдуард, – потому что благодаря его усилиям мы станем намного больше зарабатывать.

– Но каким образом? – вскинулась Эмма Марковна.

– А это маленький мужской секрет, – хмыкнул начальник. – Успокойтесь, ничего криминального.

Но Эмма Марковна чувствовала себя крайне неудобно. Саврасов ей не нравился. И пухлый конвертик, полученный через две недели, ее не обрадовал. Надо признать, что Жора старался быть милым, улыбался, частенько приносил на работу торт или коробку шоколадных конфет, но каждый раз, откусывая кусок свежего бисквита, Эмма Марковна вздрагивала, ей казалось, что жирный крем пахнет чем-то противозаконным.

– Зарабатывать и впрямь стали хорошо, – вздыхала Базилевич, – только мне по-прежнему кажется, что Жора негодяй. И потом, он же судимый!

Я поставила на стол красивую фарфоровую чашку, расписанную нежными розовыми цветочками. Бедная, бедная, совершенно отставшая от жизни Эмма Марковна. Да в нынешние времена срок за плечами не пятно на биографии, а медаль, наградной лист. Люди с криминальным прошлым ходят по коридорам власти. Единственное, что лично меня удивляет в этой истории, почему милейший Жора Саврасов, имея столь правильную анкету, не двинулся в депутаты или губернаторы, а осел на скромном подмосковном кладбище. Что за делишки проворачивали они тут с Малевичем?

– Но, к сожалению, – подвела черту беседе Базилевич, – нам сейчас придется идти к Жоре, потому что он теперь исполняет обязанности директора.

В кабинет к Саврасову мы вдвинулись, когда мужчина, стоя спиной к двери, говорил по телефону. Не поворачиваясь, он указал рукой на кресла. Эмма Марковна поджала губы, но села. Жора нервно кричал в трубку:

– Ну и что? Мы обязаны похоронить их, его и ее, вместе, в одной могиле. Наплевать на ваши правила. Родственников никого не осталось! Сделаем все на свои деньги! Ну погодите, я найду на вас управу!

Он с треском швырнул трубку на базу, сел за стол, вытер бумажным платком вспотевший лоб и сказал:

– Прикиньте, Эмма Марковна, какие кретины встречаются! Мать их налево! Не желают отдавать тела Эдьки и Гемы, мол, я им не родственник! Ну жлобье! Ничего, ща попляшут, у меня дружки везде есть, в том числе и в ментовке. Неужто я допущу, чтобы Эдьку, как собаку, без отпевания...

– Эдуард был еврей, – напомнила Эмма Марковна, – а Гема не знаю кто, но скорей всего тоже не православная, вероятно, татарка, а они мусульмане.

– Ни фига, позовем муллу и раввина, – стукнул кулаком по столу Жора, – вообще-то бог один, но если не положено, то обстригаем как надо. Сначала мулла споет, потом ребе что следует почитает, а потом уж и в церковь.

– Зачем? – изумилась Базилевич.

– Для надежности, – серьезно ответил Жора. – Чтоб уж совсем хорошо было, потом поминки, прямо тут. Я уже указание дал.

– Георгий Ильич, – проворковала Базилевич, – знакомьтесь, Евлампия Романова, она училась вместе с Малевичем и по трагической случайности оказалась рядом с ним в момент смерти.

– Ну мать твою налево, – подскочил Жора, – рассказывай.

Пришлось опять повторять все с самого начала.

– Значит, Эдька работу обещал, – задумчиво протянул Саврасов, потом неожиданно гаркнул: – Будет тебе служба, чтобы я последнюю волю друга не выполнил? Эмма Марковна, оформляйте ее в зал скорби. – Затем он обратился ко мне:

– На пианино играешь?

Эмма Марковна заерзала. Я улыбнулась:

– Немного умею.

– Моцарта там, еще кого печального знаешь?

Тут терпение Базилевич лопнуло, и она заявила:

– Уважаемый Георгий Ильич, я лично учила Романову и могу заверить, она...

– Если вы, тогда полный порядок, – прервал даму Саврасов, – пусть завтра выходит.

И он снова схватился за телефон. Уже покидая кабинет, я услышала, как он заорал:

– Слышь, Колян, тут один чудака на букву «м» не разрешает мне Эдку похоронить по-человечески...

Мы выпали в коридор. Эмма Марковна тяжело вздохнула и спросила:

– Ну, как вам наш Жора?

– Колоритная личность, – ответила я, – а за что он сидел?

– По старому кодексу статья сто сорок шестая, часть третья, мошенничество в особо крупных размерах, – словно прокурор, отчеканила Эмма Марковна, – оба раза!

Я ничего не ответила. Володя Костин как-то рассказал мне, что статус заключенного в зоне сильно зависит от того, по какой статье он сидит. Человеку, осужденному за изнасилование или растление малолетних, суждена судьба изгоя. В уголовном мире ценятся грабители, воры, убийцы. Мошенников блатной мир считает интеллигентами, к заключенным с таким «диагнозом» барак отнесется лояльно, но смотрящим на зоне ему никогда не стать.

– Значит, завтра в десять утра ждем тебя, – сказала Эмма Марковна, – да, деточка, оденься официально, строго и без всякой боевой раскраски, ну чуть-чуть пудры, поняла?

Я кивнула и побежала к остановке маршрутного такси.

Около нашего подъезда стоял голубой микроавтобус, на боках которого были выписаны белые буквы МЧС. Отчего-то у меня нехорошо сжалось сердце, но когда я, вознесясь на нужный этаж, увидела широко распахнутую дверь в нашу квартиру и толпу мужчин на площадке, мне стало совсем плохо. Потом глаз выхватил среди незнакомых лиц покрасневшие мордочки Лизаветы и Кирюшки. Железная рука, сжимавшая сердце, разжалась. Слава богу, дети живы и здоровы, а остальное, в конце концов, не важно.

– Что случилось? – крикнула я.

Одна из женщин обернулась, и я узнала Катю.

– Ох, Лампуша, – сказала она, – дверь пришлось с петель срезать.

Я уставилась на железную дверь, прислоненную к стене.

– Почему?

– Тут такое дело, – завела Катюня.

– Ее заперли, а ключа нет, – влез Кирюшка.

– Юльке на работу пора, прикинь, как она орала, – закричала Лизавета.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я, – ключ, дверь, да объясните по-человечески.

– Давайте расскажу, – суежилась Лиза. – Значит, у нас на двери три замка, понимаешь?

Я слушала разинув рот. Когда заказывали стальную дверь, естественно, все хотели, чтоб она оказалась неприступной. Поэтому начудили с запорами. Изнутри мы можем закрыться на два ключа, снаружи тоже, но фокус состоит в том, что нижний замок – самый обычный, английский, он отпирается как снаружи, так и из квартиры, просто и элементарно. Настоящего домошника такая преграда не остановит, спасет лишь от соседки-алкоголички да неумных подростков.

С другими «сторожами» дело обстоит хитрее. Это так называемый «сейфовый вариант» с длинными ключами, на концах которых имеется сразу по две бородки. А теперь основная фишка. Замок, врезанный снаружи, можно открыть, только стоя на лестнице, со стороны квартиры нет никаких намеков на скважину, и точь-в-точь такая же история с внутренним запором.

– Если вы запретесь в квартире, – терпеливо объяснял мастер, ставивший дверь, – то никто не сумеет к вам никогда ворваться, отмычку подобрать нельзя, потому что ее некуда засунуть. Спите себе спокойно, ни о чем не тревожьтесь.

Честно говоря, я не слишком поняла, зачем было ставить такую же конструкцию с внешней стороны, но меня, как всегда, не послушали. Дверь водрузили на место.

Три месяца мы радовались суперсистеме, потом Кирюшка потерял ключ. Ни в одной мастерской нам не взялись сделать дубликат, а контора, изготовившая «сейф», успела за это время разориться и прогореть. Еще через месяц ключ пропал у Сережки. Оставшийся мы повесили на запасную связку и сунули в шкафчик. Теперь, когда уходим из дома, пользуемся только нижним, весьма хлипким запором, верхний закрываем только тогда, когда съезжаем на дачу. Но сегодня вышел странный казус.

Юлечка, благополучно проспавшая после бессонной ночи до двух часов дня, вскочила, быстро проглотила чай и собралась на работу. Но не тут-то было. Дверь не желала отпираться. Приехавшая к тому времени с дежурства Катюня не сумела попасть в квартиру, с внешней стороны дверь тоже не открывалась. Тут только они сообразили, что кто-то по ошибке запер наружный верхний замок. Сережка, сидевший на работе, тут же ответил звонящей Юле: «Я вообще ключи сегодня забыл». Кто был этот идиот, прихвативший вместо своей запасную связку, стало ясно после того, как из школы вернулись Лизка с Кирюшкой и показали свои ключики.

Пока Катерина пила у соседей чай, Юля, проклиная меня, бесновалась в квартире. Положение усугублялось тем, что бедной девушке, в связи с тотальным заболеванием сотрудников газеты гриппом, предстояло опять дежурство, и она прихватила с собой кое-какие материалы. И теперь телефон в квартире разрывался от воплей начальства, а электронной почты у нас нет.

В три часа дня позвонил сам главный редактор и сухо сказал:

– Юлия, если вас не будет в четыре часа на рабочем месте, можете считать себя уволенной!

И тогда было принято решение вызывать МЧС. Под напором резачков дверь пала, Юля с воплем: «Увижу Лампу, убью!» – унеслась на службу.

Оставшиеся принялись ликвидировать разгром, и тут очень кстати явилась я.

ГЛАВА 8

Естественно, связка обнаружилась в моей сумке.

– И как мы без двери спать будем? – строго спросил Кирюшка.

– Что у нас красть? – улыбнулась Катюша.

– А мои модели самолетов? – возмутился мальчик.

– Спрячь их под кровать, – посоветовала Лиза.

В этот момент раздался скрежещущий, отвратительный звук металлической пилы. Я вздрогнула:

– У кого-то еще дверь ломают?

– Нет, – хихикнул Кирка, – это Арчи очень резак понравился, он его теперь все время изображает.

– Арчи – хороший, – сообщил попугай, выходя из комнаты, – Арчи – молодец, ж-ж-ж-ж...

– Арчи – идиот, – завопила Лизавета, – немедленно заткнись, без тебя мозги в узел скрутились.

Птица повертела головой, потом глянула на девочку быстрым черным глазом и неожиданно заявила тоненьким, детским голоском:

– Лизонька, тебе не надо есть пятое пирожное на ночь.

Лизавета разинула рот, а я чуть было не расхохоталась. Арчи спокойно продолжил моим тоном:

– А то у тебя мадам Сижу – словно таз для варенья.

Воцарилась тишина. Покачивая серым хвостом, попугай ушел в гостиную.

– Никогда не говорила ничего подобного, – быстро сообщила я, – про пирожное да, было, а про таз для варенья...

– Значит, с кем-то меня обсуждала, – зарыдала Лизавета и скрылась в своей комнате.

– Ну и ну, – ошарашенно протянула я, – как ты думаешь, он случайно такое сказанул?

– Естественно, – отмахнулась Катя. – Ладно, завтра вызовем мастеров и вернем на место дверь, а сейчас пошли ужинать.

На кухне она распахнула холодильник и присвистнула. Я глянула через ее плечо. Зрелище впечатляло. На верхних трех полках полнейшая пустота, на нижней тосковал пол-литровый пакет кефира.

– Как ты думаешь, – шепотом спросила Катерина, – отчего дети его не выпили?

Я вытащила «Био-макс» наружу, понюхала содержимое и вздохнула:

– Он сгнил. А что у нас в морозильнике?

Катюня открыла дверцу:

– Ничего, только два куска мяса для кошек, ну обрезки, которые Юлечка приволокла с рынка. Ладно, сейчас сбегаю к метро в «Победитель».

– Нет, – сказала я, – в супермаркет отправлюсь я, а ты пока ставь воду дляпельменей.

– Возьми те, вкусненькие, «От Петровича».

– «От Палыча», – поправила я, – «От Петровича» туалетная бумага.

– Она «От Сергеевича», – влез Кирюшка, – а пельмешки «От Константиновича».

– Ладно, поняла, – ответила я и пошла надевать куртку. Из-за дверей комнаты Лизаветы не доносилось ни звука, мне стало жаль девочку, и я всунула голову в ее спальню: – Слышь, Лизок, хочешь пончики «Донат»?

– Ага, очень, – ответила незлобивая Лизавета, – только круглые, сердечком не бери.

– Ключи можешь оставить, – крикнула Катя.

Я посмотрела на пустой дверной проем. И правда, ключики теперь совершенно ни к чему.

Несмотря на поздний час, в супермаркете клочкотал народ. Я быстро набила корзинку продуктами, поискала глазами свободную кассу и увидела работающий телевизор. Молоденький бойкий корреспондент бодро вопрошал:

– Ну и куда, скажите, лучше всего спрятать труп? Где его не станут искать? Еще Шерлок Холмс утверждал, труднее всего найти вещь там, где она должна быть: чашки – среди посуды, больного – между недужных, а труп... на кладбище.

От неожиданности я выронила корзинку.

– Девушка, вы в кассу? – раздался сзади приветливый голос.

– Нет, – ответила я и вперилась в экран.

Теперь вместо паренька там показывали старый погост и двух мужиков с лопатами, воровато копавших землю при слабом лунном свете. Репортер вещал за кадром:

– Именно так и поступала банда Ветрова. Убитых грузили в автомобили и свозили в подмосковный городок Людово. Там их просто закапывали в чужие могилы. Расчет оказался верен, за пять лет, которые банда действовала в

столице, никто ни разу не заподозрил, что в Людове творятся жуткие дела. Убийцы орудовали по ночам, кто из работников кладбища был вовлечен в преступное сообщество, выяснилось только тогда, когда был взят главарь, Степан Ветров. Боясь, что суд даст ему высшую меру, Ветров мигом начал топить всех подельников. Сотрудники милиции арестовали Андрея Серегина, водителя такси, Елену Рюмину, которая, «голосуя» на обочине, останавливала дорогие иномарки... Но основной сюрприз был впереди. Прятал трупы не кто иной, как Олег Савостьянов, директор кладбища, уважаемый в городе человек, отличный семьянин и добрейший парень. Именно своему членству в банде он был обязан материальным благополучием. Все рассказы о тетушке, оставившей наследство, оказались ложью.

Зазвучала музыка, на экране появились белые буквы «Криминальная Россия». Спотыкаясь, я побрела к выходу. Так, теперь я знаю, что происходило в Белогорске. Эдик Малевич, желая разбогатеть, связался с Жорой Саврасовым. Убитые, вот откуда к ним потекли деньги рекой. Теперь понятно, отчего Эмма Марковна стала получать в своем конвертике удвоенную зарплату. Интересно, кто из работников еще втянут в темный бизнес? Надо же, как быстро выяснилась истина. Скорей всего Гема права. Этот Жора Саврасов и убил Эдьку. Не сам, конечно, нанял киллера. Наверное, Малевич начал мучиться угрызениями совести или наболтал спяну чего не надо...

Дело за малым. Найти доказательства и сообщить в милицию. Подпрыгивая от возбуждения, я понеслась домой, влетела в квартиру. Споткнулась о груды сваленных у порога ботинок и только тут сообразила, что продукты так и остались лежать в проволочной корзинке, стоящей на полу у кассы.

Тихо-тихо, чтобы не дай бог кто-нибудь из домашних не услышал, я понеслась назад в «Победитель». Дверь супермаркета украшал лист бумаги. «Уважаемые покупатели, убедительно просим вас извинить нас за причиненное неудобство. Но, к сожалению, мы вынуждены сегодня завершить работу. Завтра магазин, как всегда, приступит к круглосуточному обслуживанию клиентов».

Скрипнув от злости зубами, я подошла к ларькам, но там, естественно, не нашлось никаких пельменей, только жвачка, конфеты да чипсы. Вагончик «Русские блины» закрылся, в «Крошке-картошке» милая женщина с усталым лицом сказала:

– Подойдите не раньше чем через полчаса.

Последняя надежда была на «Куры-гриль», но, когда я подлетела к белой будочке, две девушки в кокетливых голубых фартучках вытаскивали пустые шампуры.

– Курочек нет? – заискивающе спросила я.

– Всех съели, – улыбнулась одна продавщица.

– Приходите завтра, – посоветовала другая.

В полном отчаянии я оглядела окрестности и увидела тетку, прыгающую вокруг холодильника.

– Что у вас? – поинтересовалась я, заглядывая через стекло огромного ящика.

– Пицца, – клацая зубами, ответила торгашка, – бери, не прогадаешь. Вкусно, сил нет.

Но мне показалось подозрительным, что она торгует полуфабрикатами ночью, и я спросила:

– А что это все уже по домам разъехались, а ты тут стоишь?

– Ох, горе горькое, – вздохнула баба и потрясла пейджером, – вона глянь, чего скинули в восемь вечера!

Она сунула его мне под нос: «Машина сломалась, стой до упора, починим – заберем».

– Ну прикинь, – гудела бабища, – околела вся, ни пожрать, ни попить... Вот сволочи, автомобиль у них забарахлил, а мне чего, тут ночевать?

– Ладно, – вздохнула я, – чья пицца-то? Кто делает?

– Фирма. Италия. Потом еще придешь, – пообещала продавщица.

– И с чем она?

– Только с морепродуктами осталась. Колбасу и грибы разобрали.

– Это с морской капустой, что ли?

– Почему? – удивилась тетка. – Никакой тут капусты и в помине нет. Мидии, осьминоги, креветки и каракатица!

Я в задумчивости уставилась на холодильник. Представляю, что скажут дети, когда услышат, что им на ужин предлагается каракатица! Но альтернативы нет!

– Давай!

Женщина вытащила коробку и вручила мне ее со словами:

– Кушай на здоровье.

Когда пицца оказалась дома, Сережка, пришедший с работы в мое отсутствие, недоверчиво поинтересовался:

– А чего она какая-то синяя?

– Изделия с морепродуктами, – пояснила я, – темно-фиолетовые куски – скорее всего осьминог или каракатица.

– А вот этот несчастный червяк с выпученными глазами кто? – робко подала голос Лизавета.

– Мидия.

– Ну почему ты не купила что-нибудь более привычное, пельмени или сосиски? – упорствовал Сережка. – За фигом нам булка с акулой?

Мне страшно не хотелось рассказывать при всех про забытую корзинку с продуктами, поэтому я только фыркнула, засовывая кусок мерзлого теста в СВЧ-

печку.

– Вы темные люди, дети гор. Так всю жизнь ничего слаще пельменей и не попробуете. Сейчас столько разнообразных продуктов кругом, ну неужели не интересно, а?

Через десять минут все столпились вокруг блюда, где исходила паром круглая лепешка со странными темно-фиолетовыми кусками.

– Ну и кто начнет? – бодро спросил Сережка, нарезая угощение. – Я не рискну, сначала посмотрю, что станет с тем, кто откусит от этого шедевра кулинарного искусства.

Катя взяла ломоть, понюхала, потом задумчиво пожевала и сказала:

– Ничего!

– Ничего особенного, – подхватила Лизавета, пробуя свой кусок.

– По мне, так отвратительно, – подвел итог Сережка. – Несчастливая каракатица должна жить в море, рожать каракатят, а не служить начинкой для несъедобных пирогов!

– Бывает хуже, – отозвался Кирюшка, – к примеру, вареники с картошкой, которые мама позавчера притащила.

– Бр-бр, – вздрогнула Лиза, – вот уж мерзость так мерзость.

– Тесто и впрямь жестковато, – тихо сказала Катюша, – но вполне съедобно, только у нас теперь зубы и языки синие.

– Жуть, – взвилась Лизавета, – кошмар!

– Ерунда, – попробовала я успокоить домашних, – это из-за чернил.

– Минуточку, – напрягся Сережка, – ты хочешь сказать, что купила пирожок, политый тем, чем заправляют авторучки?

Глупость и вредность детей окончательно взбесили меня.

– Нет!!! Это не те чернила!

– А какие? – наседал Сережка. – Какие они еще бывают?

– У тебя в школе что по зоологии было?

– У него, – хихикнул Кирюшка, – всегда круглая тройка, вот у меня крепкая четверка!

– Значит, знаешь, какие это чернила?

– Ну, – замялся мальчик, – ну...

– Хорош, Дарвин, – заржал старший брат.

– Не надо ссориться, – мирно сказала Катюша, – осьминоги во время опасности выпускают из специального мешочка темную жидкость, думаю, что каракатицы делают то же самое, только и всего.

– И где этот мешочек у них расположен? – поинтересовалась Лиза.

– Не знаю, – растерялась Катя, – хотя, если подумать, подобный способ защиты не редкость в животном мире. Скунс, например, издает жуткий запах.

– Да он просто пугает, – возразил Кирюшка.

– Вот и каракатица, – начала Катя.

– Отвратительно, – поперхнулся Сережка, – мы съели пиццу из морепродуктов с пуками.

– Замолчи, – велела Лизавета, – а то меня стошнит!

– О чем спор ведете и отчего двери нет? – раздался веселый голос, и Костин вошел в кухню.

Все, тыча в меня пальцами, быстро стали рассказывать о происшедшем. Но майор внезапно указал на коробку из-под пиццы и поинтересовался:

– Где взяли?

– Купили, – ответила Катюша, – хочешь попробовать? Оставили тебе кусочек. Вполне ничего, только вкус странноватый, но если учесть, что здесь морские гады...

– Где взяли пиццу? – еще больше нахмурился Вовка.

– В «Победителе», – быстро ответила я.

Майор расслабился.

– Фу, прямо отлегло...

– А что такое? – осторожно поинтересовалась я.

– Неделю тому назад, – спокойно начал рассказывать майор, – накрыли цех по производству пиццы. Антисанитарные условия, поварами работали молдаванки, без регистрации... Тесто, правда, делали обычным путем: вода, мука, соль... А вот мясо! Ловили собак и...

– Ужас, – прошептал Кирюшка, серея на глазах.

– Абсолютно с тобой согласен, – кивнул Вовка, – но это еще не вся правда. Конечно, я никогда не пробовал собачатину, но, думаю, она все-таки отличается по вкусу от говядины, и вот что мерзавцы придумали! Брали самые обычные чернила, обрызгивали готовые изделия и выдавали их за... пиццу с морепродуктами, как известно, осьминог выпускает из...

– Особого мешочка темную жидкость, – обалдело пробормотала Лизавета.

– Молодец, – одобрил майор, – да ты у нас отличница. Потом изделия раскладывались в коробки, негодяи не постеснялись и сделали тару, как у известной фирмы «Эрнос». Кстати, это именно ее сотрудники и забили тревогу, когда обнаружили товар, который предлагали людям на улицах. Но если Лампа купила пиццу в «Победителе», то все в порядке.

– Ты уверен? – сдавленным голосом поинтересовался Сережка.

– Абсолютно, – отрезал Вовка, – «Победитель» никогда не возьмет товар от неизвестных поставщиков. Кстати, это понимали и «производители». Они не совались со своими «пирожками» в крупные магазины. Нет, сплавляли продукцию у метро. Причем тетки с холодильниками появлялись на улицах часов в восемь. Правильный расчет, народ несется по домам и хватает первое, что попадется под руку.

– Ты точно брала пиццу в «Победителе»? – прохрипел Сережка.

– А что, кто-нибудь умер? – спросила Лизавета.

– Да нет, – пожал плечами майор, – ну желудки у людей расстроились, аллергия высыпала, на чернила...

– Меня уже тошнит, – оповестил Кирюшка и исчез в туалете.

– Ты точно брала пиццу в «Победителе»? – наседал на меня Сережка. – Ничего не перепутала?

Я в ужасе закивала головой, ни за что не признаюсь.

– Думаю, надо для профилактики дать всем по таблетке фуразолидона, – сказала Катя, – но это просто для страховки. В «Победителе» всегда качественные продукты. Кстати, Вовка, мы и тебе кусочек оставили.

– Спасибо, – вежливо сказал Костин, – меня после этого дела что-то от пиццы отвернуло, уж лучше пельмешки...

– Спокойствие, только спокойствие, – вещала Катюша, – ты же сам сказал, что мошенников поймали.

– Не всех, – вздохнул Костин, – сегодня сообщили, опять в городе изделия из собачатины появились.

Сережка, развернувшись на каблуках, вылетел из кухни. Лизавета следом за ним.

– Пойду достану лекарство, – сообщила Катюша и исчезла.

Вовка пошел с ней. Я, оставшись одна, в ужасе посмотрела на одинокий кусок, лежащий на тарелке. Потом взяла его и сладко засюсюкала:

– Муля, Муленька, иди сюда, глянь, чем угощу!

Обожающая подкрепиться мопсика кинулась на зов. Наша Мулечка готова съесть все, что угодно. Сколько раз мы вытаскивали у нее из пасти ластики, грязные носки, шкурки от бананов... Ада, Рейчел и даже Рамик, несмотря на его дворовое прошлое, никогда не схватят подобные «деликатесы». Мульяна же сначала запихивает в пасть, а потом начинает соображать, следовало ли вообще закусывать этим предметом. Но сейчас Мулечка неожиданно начала подозрительно обнюхивать кусок пиццы. Не успела я удивиться, как собачка плюхнулась на объемистый зад и горестно завывала.

– Она не хочет есть свою бабушку, – возвестил Сережка, заглядывая на кухню, – сделай милость, не мучай животное. Ну представь, что тебе предложили пирожок с начинкой из любимого родственника, а?

Не дожидаясь ответа, он исчез. Я швырнула остатки пиццы в помойку и ушла в ванную. Там, разглядывая в зеркале абсолютно синие язык и зубы, подумала: «Ну почему со мной всегда случаются жуткие происшествия?»

В десять утра, одетая в черные брюки, белую блузку и строгий пиджак, я сидела за пианино и извлекала из него Моцарта. Честно говоря, мне было немного не по себе. Ситуация действовала на нервы: гроб, заваленный цветами, толпа мрачных людей, рыдания родственников... Наконец процедура прощания завершилась, плачущие женщины пошли на выход.

– Первый раз не слишком приятно, – улыбнулась мне полная дама, проводившая церемонию, – потом привыкнете. А сейчас идите попейте в конторе чайку, у нас еще одни похороны, в двенадцать.

Рабочий день потек своим чередом. Через два часа я опять сыграла «Реквием», потом сходила к Эмме Марковне, где меня угостили кофе и тортом... Около трех пришла дама из траурного зала и попросила поиграть перед микрофоном. По кладбищу бродили посетители, и мой «концерт» транслировали по радио... В пять часов меня пригласили в третью комнату. У одной из бухгалтерш, молоденькой Наташи, был день рождения...

Я получила еще один ломоть бисквита с угрожающе красной розой сверху и села у окна. Эмма Марковна не обманула, люди тут и впрямь подобрались интеллигентные, на столе стоял только чай, никакой водки или шампанского не было и в помине, а Жора Саврасов, без конца рассказывавший анекдоты, старался быть милым...

Внезапно телефонный звонок прервал шутки исполняющего обязанности директора.

– Алло! – крикнул Жора. Потом он помолчал и добавил: – Сейчас, минутку, выйду в свой кабинет, тут шумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

2

См. роман Дарьи Донцовой «Гадюка в сиропе».

3

См. роман Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

4

См. роман Дарьи Донцовой «Покер с акулой».

5

См. роман Дарьи Донцовой «Покер с акулой».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/prognoz-gadostey-na-zavtra>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)